

ВАЛЕРИЙ ПУШНОЙ

БИТЫЕ КОРОЛИ

Валерий Александрович Пушной

Битые короли

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=61217098

Битые короли: Издательско-Торговый Дом «Скифия»; СПб.; 2020

ISBN 978-5-00025-216-1

Аннотация

Обнаженная девушка выбегает на дорогу, останавливает встречный автомобиль и просит защитить ее. Ей помогают. Но все оказывается не так просто, как кажется на первый взгляд. Герои, ранее известные читателю по книге «Ребро беса», попадают в новую детективную историю.

Содержание

1	5
2	26
3	61
4	73
5	90
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Валерий Пушной

Битые короли

© Пушной В., 2020

© Оформление. ООО «ИТД “Скифия”», 2020

1

Автомобиль Глеба Корозова двигался по улицам пригорода. Как во многих периферийных городах, пригородные дороги тут оставляли желать лучшего. Выбоины на асфальте раздражали водителя. Когда рытвину невозможно было объехать, он крыл дорожников в хвост и в гриву.

Никола, так звали водителя, был хорошим профессионалом, водил авто аккуратно, берег. За свою шоферскую жизнь ни разу не побывал в серьезной аварии по его вине. А когда видел, как водители лихачили, не разбирая дороги, уверенные, что внедорожник проглотит любые ухабы, вертел пальцем у виска.

Был он средних лет, среднего роста и средней внешности. Обыкновенный, с какого боку ни приглядишься. Простое лицо с серыми глазами, чуть длинноватый нос, редкие волосы, наползающие на заметные уши. За рулем всегда сосредоточен. Держал его крепко, уверенно. Носил костюмы. И даже в сильную жару утром выходил из дому, держа в руках пиджак. Сейчас сидел за рулем в летнем сером костюме. Небольшой жиденький чуб – набок.

Дорога неширокая, в две полосы. Вдоль нее – редкие небольшие деревца. За ними – неяркие дома с потемневшими от времени деревянными рамами в окнах. По всей видимости, жильцы в квартирах были не очень состоятельными

людьми. По большей части, вероятно, пенсионеры. Тротуары узкие, со стареньким полуразрушенным асфальтом. Людей мало. Отдельные торопливые пешеходы. В разрывах между домами можно было ухватить взглядом дворы с зелеными насаждениями.

Глеб не смотрел по сторонам, он сидел на заднем сиденье, задумавшись, погрузившись мыслями в проблемы своего бизнеса. Размышлял, хмурился, губы слегка шевелились, словно готовились раскрыться и дать волю голосовым связкам. Иногда по щеке пробегала слабая морщинка. Верхняя пуговица белой рубашки расстегнута, узел галстука ослаблен, полы синего пиджака схвачены одной пуговицей. Руки на коленях, и пальцы механически постукивали по ним.

Когда машину чуть тряхануло на ухабе, Глеб оторвался от мыслей и глянул через боковое стекло.

– Скоро будем на месте, – весело заметил водитель.

Автомобиль выехал на оживленную широкую улицу с длинными высокими зданиями, с красочными вывесками над входами и на стенах. Широкая многополосная дорога, широкие тротуары с новым асфальтовым покрытием. Автобусные остановки с людьми и многочисленные пешеходы на тротуарах.

Корозов посмотрел на время: до офиса оставалось минут десять езды. Прижался затылком к подголовнику, сомкнул веки. Глубоко вдохнул, но выдохнуть не успел. Автомобиль резко затормозил. Глеба оторвало от спинки сиденья и бро-

сило вперед, лицом на передний подголовник.

– Ты что, заснул? – возмутился, отталкиваясь назад.

– Хотел бы, да не дадут спать! – отозвался Никола, с изумлением смотря через лобовое стекло. – Взгляни, Глеб, цирк на дороге! Вход бесплатный! По контрамаркам! Билеты не нужны!

Корозов повел глазами по направлению руки водителя.

Охранник, высокий, как и Глеб, с полными щеками, носом с горбинкой, утопленным подбородком и темными короткими волосами, сидевший рядом с водителем, ошеломленно присвистнул. Потер ладони о черные штаны и зачем-то начал подворачивать длинные рукава у полосатой рубахи.

– Хорошее кино, – выдал и хохотнул.

– Неожиданно вымахнула, – пояснил водитель, – прямо перед машиной! Выпорхнула, как воробей из кустов, как чертовка из поддувала! Едва успел затормозить, чуть не сшиб, будь она неладна! Ну настоящий цирк. Вот угораздило! Клоунада какая-то!

Корозов видел перед автомобилем красивую девушку с точеной фигурой, совершенно голую. Она медленно кружила в каком-то сумасшедшем танце, передвигаясь от обочины к середине дороги. Ветер подхватывал ее длинные черные волосы и разметывал в разные стороны. Загоревшее стройное тело пластично изгибалось, привлекая внимание людей в машинах и на тротуарах. На дороге быстро образовалась

пробка. «Чокнутая, что ли, – появилась мысль, – выбежала на улицу голая и чудит на асфальте. Или пьяная, или, того хуже, обколотая».

Девушка двигалась перед капотом машины. Глеб вглядывался в ее ухоженное лицо с красивым макияжем. Впрочем, и без макияжа оно не было бы хуже. Высокий лоб, большие глаза, брови вразлет, чувственные губы. Небольшая грудь, плоский живот, гибкие руки с узкими ладонями и длинными пальцами. Глаза смотрели отрешенно.

Не понимая, что означает это представление, Глеб озадаченно качнул головой: может, водитель прав, цирк и не более того.

Девушка миновала капот, и Корозов подтолкнул Николу, чтобы прекращал пялить глаза на голое тело, а нажимал на педаль газа. Однако внезапно она кинулась к дверям автомобиля. Распахнула пассажирскую дверь с его стороны и впилась в Глеба умоляющими глазами:

– Спасите меня от них! Помогите!

Корозов оторопел. Он не видел никого на дороге, от кого нужно было бы спасти девушку. Он вообще не брал в толк, откуда она появилась. Никто в машине не наблюдал, как, прежде чем возникнуть на дороге, девушка выпрыгнула из салона синего авто, стоявшего на парковке. Впрочем, даже если б и заметили, все равно не знали, кто был в той машине.

Ее просящий взгляд не отрывался от Глеба. Поведение

было вполне адекватным. Она не рвалась в машину, она про-сила. Испуганно и нерешительно. Все как бы указывало на то, что девушка впервые оказалась в подобных обстоятель-ствах, а потому ей было страшно и стыдно одновременно и на глаза наплывали слезы. Она ждала от него помощи с на-деждой на лице.

Минута замешательства у Глеба прошла. По-прежнему не догадываясь, что творится, Корозов отодвинулся в глубь са-лона:

– Садись, – хлопнул рукой по коже сиденья по месту, где только что сидел сам.

Она мигом запрыгнула внутрь и плотно закрыла дверь:

– Уезжайте отсюда, скорее, умоляю!

Тревожно сжалась в комок, прикрывая руками голое тело.

Глеб, видя перед собой испуганные глаза девушки, спро-сил:

– Что, собственно, происходит? Почему ты голая?

Дал отмашку водителю. Тот тронул авто.

Пробка на дороге стала рассасываться. Машины медленно двинулись дальше.

Корозов ждал ответа. Ее длинные ресницы метались вверх-вниз, смахивая набегающие на глаза слезы. Пальцы нервозно стискивались в кулачки у небольшой груди. Все ее судорожные движения определенно были связаны с одной мыслью: скорей исчезнуть не только с этой дороги, но и из этого города.

Когда автомобиль отъехал на приличное расстояние, девушка немного расслабилась и обмякла на сиденье.

– Как тебя зовут? – спросил Глеб.

– Ксения, – прошептала девушка.

Она заглядывала ему в глаза, понимая, что он ждал ответы на ранее заданные им вопросы, да, видимо, не могла быстро преодолеть пережитый стресс, чтобы все объяснить. Делала глотательные движения, но в пересохшем горле не было слюны, и она мучительно напрягалась от этого.

Тогда Глеб задал другой вопрос, на какой, по его мнению, ответить было проще:

– Куда тебя отвезти?

Ксения вздрогнула и опять посмотрела на Корозова умоляюще, словно он ее больно стеганул плетью вдоль спины:

– Не знаю. Они везде меня найдут.

– Тогда, может быть, в полицию? Там и разберешься со всеми.

– Только не это! – Ксения вцепилась ему в руку, и в глазах полыхнул страх. – Они убьют меня. Остановитесь! Я лучше выйду здесь!

– Вот так, голой побежишь? – спросил Глеб. Ее загадки все больше начинали возмущать его.

– Лучше так, зато живая! – Она лихорадочно удерживала руку Глеба.

– Нет, Ксения, так я тебя отпустить не могу, – пошевелился он, слыша поскрипывание кожи сиденья. – Хотя бы хала-

тик какой-нибудь накинем на тебя, а уже потом иди на все четыре стороны, все равно не хочешь ничего рассказывать.

Девушка снова обмякла, но уже с облегчением, как бы обрадовалась, что ее не выставили голой из машины. Лицо стало спокойнее. Но опять ничего не сказала.

Глеб распорядился водителю подвернуть к магазину одежды. Никола припарковался. Корозов достал кошелек, протянул ему деньги, чтобы сбегал в магазин, купил женский халатик.

Водитель выкатился из салона авто, стремительно миновал тротуар, порожки невысокого крыльца и скрылся за стеклянной дверью. Минут через пять-десять выбежал с халатом в руках. Уцепившись за блестящие перила, поднял руку с покупкой над головой, показывая, что заказ выполнен.

Ксения с радостью приняла покупку и прямо в салоне ловко облачилась в нее, запахнувшись наглухо.

– Спасибо, – прошептала благодарно.

– Это не все, – сказал Корозов. – Теперь пойдешь сама и выбери себе нормальную одежду.

Протянул деньги ей. Ксения виновато улыбнулась, взяла, открыла дверь и выпрыгнула на землю. Оглянулась на Глеба, словно боялась оторваться от него:

– Ты оставляешь меня одну?

– А зачем я еще нужен? Ты свободна! – ответил он, вспомнив, что у него сегодня полно всяких дел, глянул на часы.

В этот миг рядом с ними с шумом притормозил синий автомобиль, из него выскочили два парня, мгновенно подхватили девушку под руки и потянули за собой. Ксения успела уцепиться за ручку двери. Упираясь, крикнула Глебу:

– Спаси, умоляю!

– Не смей! – подался вперед Корозов.

В ответ один из парней выхватил пистолет, посмотрел угрожающе. Глаза были круглые, как шары, брови и ресницы белые, почти незаметные. Нос с широкими ноздрями, какие всякий раз раздувались, когда он вдыхал в себя воздух. Цветная рубашка с коротким рукавом – навывпуск, чтобы не виден был пистолет за поясом.

– Сиди и не шелести, старик! – произнес второй парень в серой рубашке с длинными рукавами, застегнутой на все пуговицы. – Это моя кукла! На чужой каравай рот не разевай!

Водитель и охранник на передних сиденьях оживились, нащупывая травмы.

Парень с глазами-шарами перевел ствол на них и набычился, показав крупные, не очень ровные зубы. Второй парень предупредил:

– Не шуршать, иначе отправим к богу!

Ксения продолжала цепляться за дверь и с ужасом смотреть на Глеба.

– Что ему нужно? – спросил тот.

– Он выиграл меня в карты! – одними губами прошептала она.

Корозов вспыхнул, покрылся красными пятнами, повысил голос на парня:

– Вон! Отпусти девушку и убирайся вон!

– Не бухти, старик! – ответил тот, ломая лицо кривизной. Губы, нос, щеки, подбородок, глаза – все искривилось. – А то тебя пощекочем!

И дернул на себя Ксению:

– Зарежу как куропатку, кукла! Пошли!

Глеб заметил у него в руке нож, острие коего врезалось девушке под ребра.

От сильного рывка пальцы Ксении разжались, резкая боль под ребрами заставила подчиниться. Девушка закричала пронзительно и громко.

И тут на дороге позади синего авто круто застопорилась белая машина с заляпанными номерами, опустилось стекло и показалась рука водителя со стволом с глушителем.

В шуме мчавшихся автомобилей никто не слышал, как прозвучали два коротких хлопка. Пули прошили парней, напавших на Ксению. Те переломились напополам, как от сильных ударов сзади, и рухнули на асфальт. Только руки не выпустили ни ножа, ни пистолета. На их рубашках выступила кровь.

Дверь белой машины распахнулась, и оттуда громко раздалось:

– Ко мне!

Девушка, не решаясь ни послушаться, ни подчиниться ко-

манде, раздумчиво медлила, бросая испуганный взгляд то на белую машину, то на Глеба.

– Считаю до одного! – разнеслось из машины. – Отправлю за ними!

Она как ужаленная сиганула к белому авто и скользнула в него. Машина сорвалась с места.

Все произошло так быстро, что никто не успел разглядеть стрелка.

Когда охранник Глеба выскочил наружу, белая машина ушла в переулок.

Корозов вылез из авто. Перед ним были два распластаных тела.

Одно неподвижно распростерто на асфальте лицом вниз, кровавое пятно на рубашке расплывалось посередине спины. Пистолет зажат в руке, вывернутой назад. Второе тело с кровавым пятном на левом плече рубахи и с ножом в правой руке стало шевелиться и медленно подбирать под себя ноги.

Глеб наблюдал молчком.

Наконец парень согнул их в коленях, оттолкнулся здоровой рукой от асфальта и привалился спиной к колесу автомобиля. Глаза лихорадочно вращались в глазницах.

Никола нагнулся над неподвижным телом с пистолетом. Пощупал пульс, поднял лицо, показал руками крест.

Охранник развел руками, показывая Глебу, что белой машины след простыл, и сунул травматы за пояс.

Никола переместился к раненому парню, наклонился над

ним, чтобы оказать помощь, и в эту секунду неожиданно для охранника и для Глеба вскрикнул и повалился набок от удара ноги парня.

А тот вдруг отпрянул от колеса и подхватился с асфальта. Охранник выхватил пистолет, потребовал:

– Финкарь на землю!

Но парень и не подумал выполнять его требование, крепче сжал в руке нож и затравленно осмотрелся. Рядом стоял Корозов. Водитель, ругаясь во весь голос, вскочил на ноги и изготовился к нападению:

– Ну, чмо, я тебе сейчас посчитаю зубы!

У парня левая рука обвисла, и сам он клонился в левую сторону. Но в горячке не чувствовал боли и ощущал неудобство лишь от того, что не владел одной рукой. И все же пытался сделать какие-то движения ею. Искривленное лицо было злым. Спина чуть сутулилась.

Все произошедшее для него определенно было полной неожиданностью. Из горла вырвался негодующий хрип. Надо же так угодить под раздачу: поймать пулю, едва не отправиться к праотцам вслед за своим напарником. Его вид показывал, что сейчас он готов на все.

Охранник снова выкрикнул:

– Ты что, оглох? Кому сказано, бросай ножичек!

– Не шелести, картавый! – выдавил парень. – А то я отсчитаю твои денечки!

Посмотрел на свою машину, стоявшую неподалеку. Меж-

ду ним и ею маячила изогнувшаяся фигура Николы, готовая к прыжку.

– С дороги, моська, иначе пришью! – крикнул, глядя на водителя.

– Не валяй ваньку, парень, положи нож, – посоветовал Корозов. – все равно у тебя нет шансов. – И отвернулся.

– Это кто же тебе сказал, старик? – огрызнулся тот, поворачивая лицо к Глебу с бешеными глазами. – Не шелести напрасно! Ты мне поможешь!

Он неожиданно метнулся к нему и оказался за спиной.

Глеб ощутил, как сзади рука парня скользнула ему под пиджак, а затем испытал резкую боль в пояснице от укола ножом. Злясь на себя за то, что не предугадал такого поворота событий, он резко сделал крупный шаг вперед. Оторвался от парня и повернулся к нему лицом, занося кулак над головой. Но тот нырнул под кулак и плотно прильнул.

Острие ножа уперлось Глебу в живот:

– Не маши граблями, старик, а то проткну, как новогодний шарик! – пообещал, сильнее вдавливая нож. Покосился на водителя: – С дороги, моська, иначе из твоего шефа потроха выпущу!

Никола обеспокоенно дернулся, не зная, как ему правильно поступить, зацепил взглядом охранника.

Тот был тоже в замешательстве. Однако быстро сообразил, как отрезать путь к отступлению. Прыснул к синей машине, на ходу вытаскивая перочинный нож, воткнул в шину.

Зашипел воздух, машина медленно наклонилась набок.

Парень побелел от ярости, и в эту секунду Глеб ощутил, как по животу потекла горячая струйка крови. Он резко отшатнулся и ударил парня в ухо. Нож слегка полоснул по коже живота, разрезал рубаху, галстук, зацепил полу пиджака и резанул воздух.

Парень хыкнул, метнул глазами по сторонам и, скособочившись, кинулся к машине Корозова.

Водитель сорвался с места, чтобы опередить, но тот прыгнул за руль в раскрытую дверь авто. Никола проклинал себя за то, что оставил ключ в замке зажигания, эта мысль вывернула его наизнанку, он скрипел зубами. Но было поздно. Парень хлопнул дверью, защелкнул, завел мотор. Никола схватился за ручку, но машина сорвалась с места и увлекла водителя за собой. Он бежал рядом, пока не споткнулся, его отбросило, и он пробороздил носом по асфальту.

Охранник кинулся к пистолету убитого парня, вырвал из холодеющих пальцев и несколько раз выстрелил по задним колесам автомобиля. Увидел, что попал. Машина пошла юзом.

Парень за рулем усиленно выравнивал ее и нажимал на педаль газа, стараясь отъехать дальше. И все же вынужден был остановиться и выскочить из авто.

Никола с охранником бежали по тротуару к нему.

Парень кинулся к остановке, прыгнул в автолайн, поднес нож к лицу водителя:

– Дави на педали!

Водитель нажал на акселератор, видя нож, перекошенное лицо и окровавленную рубашу. Пассажиры притихли, отворачиваясь от бешеных глаз налетчика. Через пару кварталов парень выпрыгнул. Водитель дрожащими руками начал звонить в полицию.

Никола с охранником подбежал к автомобилю и принялся менять колесо. После кувыркания по асфальту он был в ссадинах, пиджак, брюки и рубаша порваны. Но когда охранник предложил ему заклеить ссадины пластырем из аптечки, отмахнулся.

Им обоим было стыдно и досадно, что один раненый переиграл двоих здоровых, что упустили его как лохи. Черты хались сквозь зубы и не смотрели друг на друга. Так оплошать, так оплошать. Впрочем, все остались живы – и это было самым главным.

– Управишься один? – спросил охранник и, не дожидаясь ответа, пустился к Глебу.

Тот, хмуро поглядывая на собравшуюся толпу любопытных, сказал:

– Сбегай в магазин, пусть найдут, чем накрыть труп.

Охранник стремительно смотался туда и обратно, принес кусок ткани, накрыл тело.

– А где его ствол? – спросил Корозов.

– Вот, – охранник достал из кармана. – Хорошая машинка, без нее не остановили бы гада.

– И отпечатки свои оставил, – буркнул Глеб.

– А как же еще можно было остановить машину? Хорошо хоть так.

– Может, на этом стволе сотни убийств.

– А когда было об этом думать, Глеб? Но ведь ствол до меня был в руках этого убитого бандюгана. Его отпечатки снимут с его пальчиков, пистолет не нужен.

И все-таки заволновался, выхватил из кармана носовой платок и стал тщательно протирать пистолет.

– Давай сюда, конспиратор, – усмехнулся Корозов, развернул свой носовой платок, и охранник положил оружие на него. – Пошли в магазин.

Продавцы и покупатели, до того изумленно наблюдавшие через окно за происходящим на улице, встретили их настороженно. Глеб положил на прилавок пистолет в носовом платке и предупредил, чтобы никто к нему не прикасался.

Но трогать оружие никто и не собирался, все смотрели на Глеба с опаской. Покупатели, а это в основном были женщины, стали бочком-бочком выходить на улицу.

Одна из них, высокая и полная, всю дорогу, пока двигалась по магазину, сокрушенно охала.

Другая, среднего роста немолодая модница, замороженно глядела на порезанную, окровавленную рубаху на животе Глеба и качала, качала головой.

Скоро в магазине вместе с Глебом и охранником остались только продавцы и ряды вешалок с товарами.

Магазин был большим, просторным, отделан плиткой в белодымчатых тонах от пола до потолка. Одежда на любой вкус: женская, мужская, детская, подростковая.

Корозов огляделся: продавцы пугливо сбились в кучку. Сбросил с плеч пиджак, показал кровоточащий порез на животе, спросил:

– Найдется чем залепить?

Девушки переглянулись, и одна из них, маленькая, толстененькая, с пухленькими щечками с ямочками, с пухленькими губками и пухленькими пальчиками, проворно закружилась, говоря:

– Сейчас придумаем что-нибудь.

Тут же, как из волшебной шкатулки, у нее в руках появился лейкопластырь и моток бинта. Она не очень умело, словно бы боясь прикоснуться к телу Глеба и причинять ему боль, но старательно заклеила порез.

Он поблагодарил и попросил ее подобрать для него новую белую рубашку и галстук. Прошел в примерочную, сбросил окровавленную, надел то, что принесла пухленькая продавщица. Остался удовлетворенным.

Она просияла своими ямочками на пухленьких щечках, радуясь, что угодила покупателю. Глеб рассчитался и позвонил в полицию своему приятелю, оперативнику Акламину:

– Аристарх, у меня на глазах произошло убийство. Труп лежит на улице. Убийца скрылся. Напарник убитого ранен, но тоже сбежал. Тут целая история, головоломка какая-то,

приезжай!

Назвал адрес и отключил телефон. После подумал некоторое время и набрал номер начальника охраны:

– Исай, жду тебя. Одна нога там, другая здесь. Это недалеко, – и повторил адрес.

Исай прибыл очень быстро, едва успел опросить охранника и водителя, как прибыла группа оперативников во главе с Акламиним.

Аристарх осмотрел место преступления, отдал распоряжения операм, а сам прошел в магазин, сел на стул перед прилавком и привычно вытащил записную книжку. Стал опрашивать продавцов.

Под его пристальными неулыбчивыми глазами они терялись, волнуясь и забывая порядок происшествия. Перескакивали с одного на другое, то убегали вперед, то возвращались назад. Акламину пришлось попотеть, прежде чем он получил стройную картину случившегося.

Отпустив продавцов, повернулся к нетерпеливо толкавшемуся около вешалок с товаром Глебу. Выслушал его рассказ, делая пометки в книжке. Когда Корозов закончил, сунул ее в карман, проговорил:

– Итак, есть труп с пистолетом, но нет убийцы, нет скрывшегося раненого напарника убитого, нет девушки, уехавшей вместе с убийцей. Картина – лучше не придумаешь. Свидетелей много – толку пока мало.

– Надо искать Ксению, – посоветовал Глеб. – Я ее хоро-

шо запомнил. Можно фоторобот составить. По ее внешнему виду она не из простушек, возможно, из неплохой семьи.

– Ну да, ну да, – прищурился Аристарх. – Или папа с мамой спонсируют, или валютная проститутка, или на содержании у папика. Вариантов масса. Лучше бы ты убийцу хорошо запомнил, Глеб. Его фоторобот сейчас был бы кстати.

– Увы, Аристарх, увы, – досадливо поморщился Корозов, прохаживаясь перед Акламиним. – Убийцу никто не видел. Он не выходил из машины. Все произошло так быстро, как разряд молнии. Вдобавок никого из нас на улице не было, а из авто видимость ограничена. Потому я тебе и говорю про Ксению. Только она сейчас единственная зацепка. Если, конечно, – он накоротко задержал дыхание, – если, конечно она еще жива. Но без нее история тупиковая.

– Не люблю паникеров, Глеб, – сказал Аристарх, качнув головой. – Да, обстоятельства непростые. Но у нас вся работа непростая. Ты забыл о преступнике с ножом. Его фоторобот теперь тоже не будет лишним. Хорошо запомнил его?

Корозов опустил глаза на свой живот с отметинами от его ножа – еще бы не запомнить. Но следом возмутился замечанию Акламина:

– Это кто паникер? – вспыхнул. – Это я паникер? Никогда таким не был! И не буду! А что касается этого хорька, так он теперь мой личный враг. Вот за этот шрам на животе он мне персонально ответит! Конечно, я его запомнил. Его все запомнили. Не забудь, в нем сидит пуля. Сам выковыривать

ее он вряд ли станет. Без хирурга не обойтись. Сними отпечатки в его машине, в ней он наверняка наследил, мало не покажется. И в моей машине пальчики оставил. Возможно, и пятна крови. Так что его, не сомневаюсь, ты возьмешь за шиворот быстро! – Сделал паузу. – Если, конечно, я тебя не опережу.

– Ты и так уже здесь отметился, – повысил голос Акламин. – Предупреждаю, даже не думай соваться никуда!

С улицы вошел Исай в привычной джинсовой одежде. Аккуратно прикрыл двери, откинул челку со лба, с порога произнес:

– Можешь ехать на моей машине, Глеб. Твою пригоним, когда в ней снимут пальчики.

Корозов отошел от Акламина к рядам вешалок с одеждой. Подозвал Исяя:

– Вообще-то все это не наше дело, Исай, мы случайно оказались в этой истории, – проговорил, приглушая голос, чтобы никто не слышал. – Но дело чести отыскать этого ублюдка, он чуть не зарезал меня. Поднатужься немного, только так, чтобы не путаться в ногах у полиции. Если повезет, может, и Ксению где-то выудишь. История темная. Глубоко влезать не стоит, но посмотреть по сторонам не мешает.

Аристарх поднялся со стула, шагнул к Корозову. Он догадался, о чем могли говорить Глеб и его начальник охраны, остановился перед ними, цепко охватил их лица взглядом.

– Повторяю для глухих, – серьезно произнес повышенным

тоном, – никуда нос не совать! Но если вдруг появится какая-то информация, немедленно ее ко мне на стол, и не предпринимать никаких самостоятельных действий. Никаких!

Задержал глаза на Глебе:

– Я знаю твой характер, Глеб. Предупреждаю: не лезь на рожон! История пока совершенно непонятная. Неизвестно, случайно ты оказался внутри этих событий или нет.

– Ты о чем это, Аристарх? – удивленно отступил на шаг Корозов. – На моем месте мог оказаться любой!

– Мог, – согласился Акламин, – но оказался почему-то именно ты.

– Ну у вас, оперов, мозги вообще набекрень, – расхохотался Глеб. – Надо же придумать такое. Я ехал по городу, никому не мешал, и никто не знал, на какую дорогу, в какое время и где свернет мой водитель. Я и сам этого не знал. Так что эту свою версию отбрасывай сразу к чертовой матери!

– Это не версия, Глеб. Версии пока нет никакой. Это просто предостережение, чтобы ты был осторожнее, пока все не прояснится окончательно.

– Ну хорошо, хорошо, – отозвался Корозов и распрощался с Аристархом. Подходя к дверям, бросил взгляд на стоявших в сторонке продавцов. Вернулся к ним, сказал: – Мы сегодня нарушили всю вашу торговлю, поэтому, чтобы хоть как-то реабилитироваться, приглашаю вас всех в восемь часов вечера в ресторан за мой счет.

И, выйдя на улицу, позвонил в ресторан, забронировал на

вечер столы.

Девчата, проводив его, запрыгали от восторга.

2

Машина, в какую села Ксения, стремительно мчалась по улицам.

Высокий, крепкого сложения парень за рулем молчал, сосредоточенно смотрел через лобовое стекло. У него было приятное лицо с располагающей улыбкой, с чуть загадочным взором черных глаз.

Такие глаза обычно сразу привлекают внимание, ибо они как бы указывают на многие таланты человека. И главное – на сильную волю этого человека, убеждая, что тот знает, что должен делать, как должен делать, почему должен это делать.

Широкий лоб, округлый подбородок, прямой разрез рта.

В подобные лица обычно с первого взгляда влюбляются молодые девушки, сочиняя в своих фантазиях самые невероятные истории об этом человеке.

Ксения, плотно запахнувшись в халат, сидела и мучительно морщила лицо. Съежилась, словно придавленная грузом собственных мыслей. Ее определенно угнетал дух этого автомобиля, а может, дух этого человека, а может, дух ее собственной жизни. Несколько раз порывалась что-то сказать, но всякий раз глушила в себе этот порыв, отчего лицо становилось еще более безрадостным. Проехали с десятков километров, прежде чем она все-таки выдавила из себя:

– Отпустил бы ты меня, Саша.

Тот как будто не расслышал ее слов, продолжал крепко держаться за руль и неотрывно смотреть на дорогу.

– Тебя, наверно, видели, и машину твою видели, – сказала Ксения и чуть пошевелилась. – Теперь полиция искать тебя будет. Ты убил их, в них пули из твоего пистолета.

Саша минуту продолжал безмолвствовать, потом шумно вдохнул, под его натянутой на спине коричневой рубашкой отчетливо заходили мускулы, как будто не только ушные раковины, но все его мускулистое тело воспринимало ее слова.

– Ты жалеешь их? – наконец спросил он. Голос был ровным, но сухим и недобрим. – Может, ты жалеешь всех, в ком сидят пули из моего пистолета? Тебе хорошо известно, что таких немало.

– Я тебя жалею! – все тем же голосом, с тем же выражением лица, смотря в одну точку, отозвалась девушка.

– Ты хочешь, чтобы я тебе поверил? – Саша зашевелил лопатками, и по лицу пробежала ухмылка.

– Я знаю, что ты мне не веришь, но ведь это ты виноват во всем! Это все твои затеи! – Она посмотрела отчужденно, и Саша поймал ее печальный взгляд, а она заметила его невеселые глаза.

– Молчи, – сказал он, – иначе я убью тебя!

Лопатки Саши опять заходили под рубашкой, слова Ксении укололи его.

– Виновата только ты, ты одна, во всем виновата ты одна!

Девушка умолкла на время, но потом ее опять прорвало:

– Отпусти меня, Саша! Я больше так не могу! Я покончу с собой, если этот ужас будет продолжаться и дальше! Никогда не смогу тебе этого простить! Я убью себя!

Саша резко свернул на обочину дороги и остановил машину. Выскочил из салона, обогнул авто, на всю распахнул дверь с ее стороны, и на Ксению уставились дикие глаза:

– Покончишь с собой?! Ты знаешь, что тогда будет! Я убью твоих родителей, я выпущу из них всю кровь, я убью твоего брата! – Саша схватил ее за воротник халата, долго, неистово тряс, потом плотно притянул к себе и дыхнул в лицо: – Я убью всех!

Ксения двумя руками уперлась ему в грудь, отстранилась и тоже закричала:

– Лучше убей меня, убей меня прямо сейчас. Возьми пистолет и убей. Я больше не вынесу всего этого!

Саша вдруг замер, резко замолчал, мускулы ослабли, он выдохнул воздух и глянул на нее влюбленными глазами:

– Успокойся, девочка моя! Это наша работа. Такая у нас работа, – захлопнул дверь, вернулся на свое место, обнял и прижал к себе. – Я люблю тебя. Я тебя обожаю.

Ксения медленно припала к нему, негромко всхлипнула и потом заплакала:

– Они целую неделю заставляли меня голой выбегать на дорогу и останавливать крутые иномарки. Мне столько пришлось пережить, я боялась, что меня собьют машины, я боялась людей, я всего вокруг боялась.

Саша еще крепче притиснул к себе девушку, провел ладонью по щеке и погладил по голове, как маленького испуганного ребенка:

– Я все знаю, – сказал ласково. – Я всю неделю следил за вами. Но почему они заставляли тебя работать голой? Ведь можно было вполне обойтись без такого представления. Я смотрел и не понимал, зачем ты была голой?

– Так им больше нравилось. – Ксения последний раз негромко всхлипнула, удержала поток слез, вытерла лицо полою халата. – Так машины останавливались сразу, это было неожиданно для водителей, завораживало. Никто не уезжал и не догадывался, что попадал в ловушку.

– Я тоже со стороны любовался тобой. Ты несравненна! – Саша засветился, а затем резко спросил: – Они насильовали тебя?

– Нет, это им было не нужно, – Ксения покачала головой, – они занимались только угоном машин. Я останавливала машины, садилась в них, потом пшикала из баллончика в лица водителям, следом появлялись они и делали свои дела. А меня везли в другое место, где опять заставляли выскакивать из машины на дорогу.

– Но сегодня у тебя, очевидно, сорвалось. – Саша разжал объятия, вдавился в спинку сиденья. – Я ехал за вами, потом притормозил, когда вы остановились у магазина, и увидел, как подъехали они и стали угрожать тебе оружием. И я поспешил на выручку.

– Мне просто надоело все это. – На лице у Ксении появилась едва уловимая гримаса гадливости, какая говорила о том, что Саша ошибался. – Я устала. Я обманывала людей и знаю, что когда-нибудь мне придется расплачиваться за это. А потом, в машине было три человека, я решила, что они мне помогут. Ты ведь отдал меня в руки этим негодьям и даже не старался помочь.

– Всего только на десять дней, – Саша спокойно посмотрел на Ксению, как будто ничего особенного не услышал, и напомнил: – Такими были условия. Ты же их хорошо знаешь. Семь дней уже прошло.

– Мне казалось, что они никогда меня не отпустят. – Ксения продолжительно посмотрела ему в глаза, и в ее зоре виделось уныние и изнеможение. – Мне казалось, что это будет продолжаться вечно. – Отвернула лицо.

Саша досадливо двинул лопатками, но что означала эта досада, знал только он один и, может быть, знала Ксения. Но если бы она в этот миг смотрела в его глаза, она бы догадалась, какое сильное разочарование от ее слов ощутил Саша. Между тем его голос был ровным:

– Ты ошибалась, девочка моя, ты же знаешь, как я поступал с теми, кто нарушал условие. Их давно уже нет в живых. Видя, что Ксения постепенно успокаивается, Саша включил мотор и тронул машину.

Раненый парень, выпрыгнув из автолайна, побежал в жи-

лой квартал мимо шархавшихся от него людей туда, где было тихо и безлюдно.

Чем дальше углублялся в бестолковость старых отживающих свой век домов, тем меньше попадалось людей.

И только потом остановился и почувствовал сильную усталость. Напряжение, какое собирало в кулак все его тело, начинало отступать, и по нему разлилась боль от ранения.

Парень плюхнулся на старенькую скамейку у подъезда одного из невзрачных трехэтажных домов, посмотрел на свое плечо. Кровь продолжала сочиться из раны, пятно на рукаве разрасталось. Он попытался пошевелить рукой – и застонал, в глазах поплыли темные круги.

Из подъезда вышла маленькая щупленькая старушка с мелкими морщинками по всему лицу, с морщинистыми руками, морщинистой шеей, с обвислой плоской грудью под цветной кофточкой, в длинной юбке и белой шляпке от солнца, скрывшей редкие седые волосы. Увидела окровавленное плечо парня, заботливо охнула:

– Да где ж тебя так угораздило, сынок?

Парень вяло моргнул глазами, из-под бровей глянул на старушку:

– Упал, бабуля, – и, чувствуя, что начинает быстро слабнуть, усилием воли оторвал себя от сиденья и двинулся дальше.

Еще несколько домов осталось позади, пока наконец не добрался туда, куда направлялся.

Ступил в подъезд пятиэтажного панельного дома с мрачными серыми стенами, с обшарпанными лестницами, с перекосенными почтовыми ящиками и с трудом поднялся на этаж, цепляясь здоровой рукой за потускневшие перила.

У серой облезлой двери отдышался и нажал на кнопку звонка. Звонил продолжительно, до тех пор пока за дверью не послышалась ругань и не щелкнул замок.

– Я тебе позвоню! – Грубый женский голос вырвался из открывающейся двери: – Я тебе по мозгам позвоню!

Парень шагнул через порог и повалился на высокую, широкой кости девушку в длинном замусоленном халате, растянутом на выпирающей широкой груди, из-под коего торчала белая сатиновая в мелкий синий цветочек ночная рубашка. Широкую талию перехватывал пояс, завязанный на животе на два узла и отличавшийся по цвету от тона халата. Лицо было с широкими скулами и черными усиками под широким носом. Широкие плечи расправлены, откинuty назад. Широкие бедра ясно показывали, что ноги под халатом не менее мощные и прочные. Вся фигура девушки говорила об ее внушительности и уверенности в себе.

Увидав парня, она мгновенно приглушила голос:

– Это ты, Глот? Ты зачем приперся на эту хату? У тебя что, своей норы нет?

Подхватила его и закричала, поворачивая лицо в сторону комнаты:

– Карась, принимай Глота, он, кажется, ранен!

Из комнаты высунулся полуодетый молодой человек с лицом как из-под топора – как будто папа Карло начал делать Буратино, но бросил, едва успев обсесть полено колуном. Запихивая синюю майку в черные трусы, подбежал и подхватил из женских рук Глота. Все его движения были тупыми и тяжелыми.

Девушка встревоженно выглянула на лестничную площадку, прислушалась и, успокаиваясь, закрыла дверь.

Карась держал Глота под руки, раздумывал, не двигался с места.

Девушка определенно не испытывала удовольствия, оттого что гость притащился к ним в таком виде. На лице проступало раздражение и опасение. Между тем метнула едкий взгляд на Карася:

– Чего теперь думать, Карась? Волоки на диван этого урода! Нашел куда припереться!

Карась потащил Глота в комнату.

Коридорчик был небольшим, но все углы его чем-то заставлены, завалены – не пропихнешься, не зацепив чего-нибудь. Ноги Глота волочились по полу, задевая то одно, то другое, сдергивая с мест и валяя, и девушка шла следом, недовольно возвращая все на свои места.

В комнате также был бардак. На всех стульях лежала скомканная одежда, какие-то мятые тряпки висели на дверях и стенах, на полу разбросана обувь и носки, на окне нечто, отдаленно напоминавшее занавески, на мебели – стаканы и бу-

тылки, на столе – тарелки с вчерашними, а может быть, с позавчерашними остатками еды.

Глота положили на зашарпанный диван. Он застонал, открыл глаза и пошевелил губами, но никто не услышал, что он сказал.

Девушка разорвала рубашку и осмотрела рану.

– Здесь пуля сидит, – сказала. – Где ж его так?

– А черт его знает? – отозвался Карась, торопливо натягивая одежду. – Он вечно куда-нибудь вляпается! Видно, на какой-то тачке погорел! Не привел он там хвоста? Говорил же я ему – не переусердствуй с этой девкой! Понравилось ему катать ее по городу голой! Хоть бы погладил после работы, так нет, сам не ам и другим не дам! Собака на сене! Скотина! Звони, Роза, Гусю и Фишке, пускай мчат сюда что есть духу, надо этого козла лечить!

– Козел-то ценной породы! – Роза закурила сигарету, пыхнула дымом перед собой. – Сколько он тебе тачек натаскал? Другой за год не сделает столько, сколько этот за неделю!

– Поэтому и спешу, чтобы не подох прежде времени. – Карась застегнул ремень на брюках и посмотрел на Глота: – А то истечет кровью.

– Этот не подохнет. – Роза взяла телефон и со знанием дел весомо заметила: – Он живуч, как червяк.

Прошло с полчаса времени, как на пороге появились Гусь и Фишка.

У Гуся была длинная тонкая шея, за что он и получил

свою кличку. Голова болталась на этой шее так, что, казалось, еще чуть-чуть, и она отвалится. Он тянул шею вперед, а затем, как пружиной, отбрасывал голову назад, но потом раз за разом все повторялось. Двигался Гусь плавно, переваливался с ноги на ногу.

Фишка же, напротив, был подвижен и шустер, всегда выскакивал вперед, как бы стараясь опередить события. Он то и дело шмыгал носом, хотя нос не был ничем забит, просто это была укоренившаяся привычка, от которой тот отвыкнуть не мог, а все, кто его знал, уже не обращали на это внимания. Ходил, приседая при каждом шаге.

Карась сразу, ничего не объясняя, показал на Глота:

– Берем – и в больничку!

Фишка нырнул в комнату первым, Гусь плавно качнулся следом. Они ни о чем не спрашивали, знали: все равно Карась не станет распространяться. Подхватили Глота с дивана. Тот заурчал что-то, не приходя в сознание.

Карась накинул на себя пиджак и шагнул следом. Когда подъехали к больнице, осмотрелся и приказал ждать. Сам скрылся за дверью.

Глот пришел в сознание, тусклым взглядом обвел подельников и опять ушел в прострацию.

Карась не возвращался долго, а когда появился, занудно поторопил:

– Быстро тащим наверх. Операционная свободна.

– Вы куда, – остановила при входе какая-то медсестра, –

в приемный покой сначала!

– Не видишь, человеку операция нужна? Его ждут! – тупо приглушил ее Карась.

Медсестра пожала плечами, отвернулась.

Глота подняли наверх.

– Да здесь же пулевое ранение, – удивился моложавый врач, осмотрев рану. – А вы говорили, что с мотоцикла упал!

– Вот я и говорю, доктор, с мотоцикла упал, операция ему нужна. – Карась угрожающе вытащил пистолет. – И чем быстрее, тем лучше, доктор!

– С мотоцикла так с мотоцикла, – помрачнел врач.

Глота отвезли в операционную. Карась вошел следом. На него зашумели медсестры. Он недобро набычился, вновь доставая оружие:

– Мне можно. Так надежней.

Гусь и Фишка остались за дверью.

Фишка, приседая, шмыгая носом, двигался по коридору непрерывно, заглядывая в кабинеты к медсестрам и врачам, следя за тем, чтобы никто не звонил по телефонам.

Гусь дергал головой и стоял на месте.

Когда операция была закончена и Глоту наложили повязку, Карась, не церемонясь, приказал Гусю и Фишке забрать подельника, а сам положил на операционный стол пачку денег.

Врач хмуро проводил глазами оперированного с его друзьями, устало проговорил:

– Уколы надо будет поделать и перевязки. А это, – показал на деньги, – заберите.

– Ничего, он живуч, доктор, выживет! – холодно ответил Карась. – А деньги ваши.

Он прикоснулся к руке врача, и тот от этого прикосновения вздрогнул.

– Вам лучше все забыть. Это продлит вашу жизнь. Прощайте.

После того как Карась покинул отделение, врач позвонил в полицию.

У Акламина появилась новая информация с новыми словесными портретами.

Глота после операции Гусь и Фишка отвезли на ту же хату.

Прошло время, и Глот поднялся на ноги. А поднявшись, стал искать Сашу, чтобы вернуть Ксению, права на какую, по условиям игры, у него были еще на трое суток.

Он не забыл, что на последнем деле Ксения подвела его, захотела выйти из игры, нарушила правила. И по условиям игры за ее поступок должен ответить Саша. Глот в этом случае мог поступить по своему усмотрению: или забрать Ксению еще на один полный срок, или потребовать от Саши выкуп. Но выкуп Глоту был не нужен, он хотел увеличить для Ксении срок.

Она была удачлива. За неделю он с нею прибрал к рукам пять новеньких иномарок за хорошие бабки. Ни одной старой машины. На Ксению всякий раз выпадал в их игре джек-

пот, как будто она была создана, чтобы срывать банк новенькими авто.

Глот пригонял их Карасю, приводя того в восторг.

И скоро Глот нашел Сашу у Нарцисса.

Нарцисс был хозяином бильярдного клуба «Нарцисс», в котором была спрятана небольшая, скрытая от глаз, с охраной у дверей, подпольная игровая комната, где проходили картежные игры, в каких ставками, помимо денег, были девушки. Играли обычно по несколько человек.

Сейчас Саша сидел за столом с картами в руках. Желтоватая рубаха с короткими рукавами не очень подходила ему по цвету, как-то не вязалась с его черными глазами. Он сам ощущал это – и не чувствовал себя комфортно, как обычно. Может, рубаха и не была причиной, может, какие-то предчувствия мучили его, но он определенно был неспокоен. Ставки росли. Саша умело распалял игроков.

По сторонам стола стояли ждущие своей очереди, а также два судьи в белых рубахах и белых брюках. Без судей было нельзя, они свидетельствовали, что сделка по итогам игры прошла честно, условия оговорены полностью.

Когда на кону была уже большая сумма и из четырех игроков остались двое, Саша предложил:

– Ставлю против кона даму бубен! Возражения есть? – И по глазам второго игрока увидел, что тот был готов к такому предложению.

Второй игрок хоть и ждал этого момента, но затих в раздумье: все-таки на кону было много денег, и он был бы не против сорвать такой куш.

По условиям игры, в конце каждый игрок мог поставить против кона любую девушку, тогда и противная сторона должна была также поставить девушку. Если противная сторона не ставила девушку, она должна была взамен увеличить сумму на кону на двадцать процентов.

Если стороны не договаривались, куш уходил Нарциссу. Если договаривались и ставки были приняты двумя сторонами, тогда игроки обменивались девушками. У Нарцисса оставалось десять процентов, а все остальное на кону делилось поровну между игроками. Или же, если была только одна девушка, производился обмен девушки на двадцать процентов. От остальной суммы Нарцисс забирал десять процентов, остаток делился игрокам напополам.

В том же случае, если ни одна из сторон в конце не ставила против кона девушку, она должна была поставить двадцать процентов от суммы на кону. И игра завершалась обычным порядком. Но при этом шестьдесят пять процентов от суммы, стоявшей на кону, отходило Нарциссу, игрок-победитель получал только тридцать пять процентов, проигравший – ничего.

Второй игрок, лет двадцати семи, худощавый, светловолосый, спокойный на вид, с выражением на лице, по какому нельзя было определить его истинного настроения.

Как ни старался Саша, он не мог почувствовать своего соперника.

Игрок был в черной рубаше с подвернутыми рукавами. Из нагрудного кармана выглядывал уголок белого платочка. Смотрел прямо перед собой, лицо без хитринки в глазах, открытое, но как бы подернуто туманом. Так и хотелось заглянуть под этот туман и прочитать его мысли. Однако пробиться сквозь него не удавалось. Он держал руки перед собой, прижимая к столу карты, не дергался, обдумывая свой шаг. Наконец решился и объявил:

– Ставлю против кона даму треф! Нет возражений?

Итак, ставки были сделаны.

Судьи окинули взглядами игроков, ждали ответа.

Каждый должен был вслух подтвердить свое согласие на обмен ставками.

Если Саша отказывался от дамы треф или второй игрок от дамы бубен, тогда отказавшийся признавался проигравшим, Нарциссу отходило восемьдесят процентов от суммы на кону, остальные получал выигравший.

– Смотрим даму треф, – согласился Саша.

– Смотрим даму бубен, – подтвердил свое согласие второй игрок.

Игроки шепнули что-то своим подручным, маячившим у них за спинами, и те выскользнули из комнаты. Пока их не было, в комнате установилось безмолвие. Молчали все. Так требовали правила игры.

Но вот двери раскрылись, и в комнату ввели даму трэф и даму бубен.

Дамой трэф была изящная черноволосая красотка с ярким лицом, от которого трудно оторвать глаза. Оно как бы завораживало, и все остальное уже было приложением к этому лицу, хотя приложением весьма красивым и притягивающим. Длинные стройные ноги, тонкая талия, грудь и бедра приковывали взгляды. У присутствующих загорелись глаза. Дамой бубен являлась Ксения.

Обе красавицы были свежи, в одних стрингах.

Саша поднялся из-за стола и подошел к даме трэф, осмотрел ее со всех сторон, прикоснулся пальцами ко многим частям тела, попросил:

– Зачитайте.

Подручный второго игрока, в черной футболке и джинсах, чуть сутуловатый, с острым подбородком, протянул лист бумаги одному из судей, и тот прямо с листа стал читать:

– Имя: Фаина. Фамилия: Паляя. Совершеннолетняя, владеет искусством секса в совершенстве, пишет стихи, владеет английским языком и манерами. Условия обмена: десять дней, без ограничений рамок использования, не допускается физическое насилие. Игрок: Юлий Дончаров.

Саша еще раз осмотрел даму трэф и отошел на свое место. После него поднялся Юлий Дончаров. Подступил к даме бубен и, точно так же, как только что делал Саша с дамой трэф, осмотрел со всех сторон Ксению, тоже погладил паль-

цами части ее тела и тоже попросил:

– Условия.

Подручный Саши, верзила с нависшим лбом, в серой размахайке, широких штанах, протянул лист бумаги второму судье, и тот зачитал:

– Имя: Ксения. Фамилия: Речерская. Совершеннолетняя, девственница, владеет английским и немецким языками, рисует, имеет благородное происхождение и благородные манеры. Условия обмена: десять дней, использовать в любом виде и назначении, кроме секса, и не допускается физическое насилие. Наличие девственности подтверждается медицинской экспертизой и может быть немедленно проверено специалистом в присутствии игроков и судей. Игрок: Саша Апро.

Юлий Дончаров с любопытством глянул на Ксению Речерскую еще раз, снова осмотрел ее с ног до головы и вернулся на свое место.

Наступила минутная пауза.

Потом голос подал один из судей:

– Итак, у каждой стороны есть права и обязанности. В данном случае каждая сторона является одновременно стороной передающей и стороной принимающей, и каждая сторона обязана соблюсти оговоренные условия. В случае нарушения условий одной из сторон виновная сторона должна будет выплатить противной стороне выкуп в сумме, равной двум суммам на кону, либо отдать для использования свою

даму на целый месяц. Право выбора остается за стороной пострадавшей. Таким образом, мы свидетельствуем, что обмен завершен, и сумма на кону делится поровну после отчисления игровой комнате десяти процентов. В завершение всего пожмите друг другу руки, что будет подтверждением полного согласия с условиями сделки. А мы засвидетельствуем ее окончание.

Игроки поднялись со своих мест и пожали друг другу руки. Все, дело было сделано.

Саша был рад, ибо отхватил изрядную сумму с красивой девушкой в придачу. Ксения Речерская приносила ему удачу, поэтому Саша ни за какие коврижки не хотел терять ее, она для него была как талисман. Еще не было игрока, который бы отказался от Речерской, но уже было немало тех, кто приходил и садился играть с ним повторно ради того, чтобы заполучить Ксению еще на десять дней.

Эту игру придумал Саша и заставил Ксению участвовать в ней. За что теперь она ненавидела его и боялась.

Саша был бывшим уголовником, для него ничего не стоило убить человека. Первый раз он увидел Речерскую на улице и насильно посадил к себе в машину, с этого все началось. Потом исчез на два года, и она забыла о нем. Но он снова появился и больше не отпускал ее от себя ни на шаг, запугал ее родителей.

Поначалу она думала, что он хотел положить ее в свою постель, но быстро поняла, что ошиблась. Саша не только

сам не трогал ее, но и других на пушечный выстрел не подпускал. На ее девственности держал удачу за хвост.

Но для Ксении эти игры были мучением. Она хорошо знала, что Саша сильно влюблен в нее, но рамки этой игры, какую сам же изобрел, не давали ему возможности овладеть Ксенией целиком. Речерская стала как бы мечтой не только для тех, кому доставалась в игре, но и мечтой для самого Саши. И он, любя Ксению, одновременно ненавидел ее за то, что не мог овладеть ею. Он стал заложником собственной игры.

Ей приходилось приспособливаться. Она видела, что выжить здесь может только сильный и упорный, способный идти по головам других, как делал это Саша Апро. Он безжалостно убирал с дороги всякого, кто был ему больше не нужен или путался под ногами. А девушка сильнее всего желала избавиться от самого Саши. Она искала человека, какой мог бы освободить ее и поднять на ступень выше. До сих пор ей не везло. Сейчас же смотрела на Юлию Дончарова, в руках какого оказалась, – и тоска больно стискивала сердце. Чем станут для нее предстоящие десять дней? Неизвестно.

Судьи быстро пересчитали все деньги на столе, отложили сумму для Нарцисса и передали Саше и Юлию их доли.

За стол уже садились новые игроки, когда в комнату неожиданно не только для Речерской, но и для Саши влетел Глот. Смотрел исподлобья, лицо искривлено, полы серого пиджака распахнуты. Прямоком направился к Саше. Он

возник как будто из-под земли, из небытия. Они полагали, что Глот был мертв, но вдруг увидели его живым.

В первую секунду Саша подумал, что Глот знал, кто стрелял в него. В голове не укладывалось, как могло получиться, что тот остался жив, однако времени на раздумье не было, и Саша автоматически пошарил рукой за поясом, ища пистолет. Но вспомнил, что оружие сдается при входе в комнату, и эта мысль успокоила его, ведь и Глот был безоружным.

Тот заметил движение Сашиной руки и понял, что это означало. Сказал:

– Не маши граблями, кореш!

Глот также был бывшим уголовником и во многом походил на Сашу. Глянул на Речерскую:

– Я за тобой, кукла, ты не отработала до конца, ты подставила меня, нарушила правила. Я оставляю тебя на целый месяц плюс три неотработанных дня десятидневки.

Она знала, что нарушила правила, и Саша знал, однако в данный момент девушка была уже передана Дончарову, эта сделка скреплена рукопожатием и свидетельством судей.

Те посмотрели на Сашу, ожидая объяснений. Обвинение Глота было серьезным, но и новую сделку разорвать никто не мог.

– Ты откуда, Глот? – громко воскликнул Саша. – Слух прошел, что тебя убили?

– Как видишь, кореш, жив я, – Глот повернул только одну голову, а тело оставалось неподвижным. – Пришел сообщить

судьям, что ты нарушил правила, что я беру твою куклу на весь месяц!

– Извини, но ты опоздал! – Саша замотал головой. – Дама бубен только что ушла в другие руки. Тебя давно похоронили! Мы тут ни при чем!

– Ты нарушил правила! – несогласно посмотрел Глот, их взгляды сцепились, как цепные псы. – Если ты сейчас не отдашь мне куклу, ты второй раз нарушишь правила. Побереги свою голову, Саша!

У Саши заходили все мускулы на теле, наливаясь твердью, он оказался в сложном положении, и вдруг взгляд остановился на даме треф. Он шевельнул лопатками и неожиданно предложил Глоту:

– Предлагаю тебе замену. Вот дама треф, – показал на Фаину. – Десять дней она в твоём распоряжении. А через десять дней дама бубен отработает весь свой долг.

– Ты за кого меня держишь, кореш? – Глот сморщился, как будто разжевал горькую перчинку. – Кукла законным образом принадлежит мне. Я забираю ее. Пусть судьи скажут, что я не прав!

Судьи замешкались. Если признать правоту Глота, а он справедливо требовал своего, тогда сегодняшнюю игру надо признать незаконной, но в таком случае права Юлия будут нарушены серьезно. Причем судьями, а это уже вне всяких правил. Предложение Саши частично решало проблему, но Глот уперся и не хотел слушать.

Саша видел, в какую передрагу вверг всех, и особенно себя, ставил под сомнение собственную репутацию и репутацию дамы бубен, с ним могли больше не садиться играть. И он снова решительно отверг притязания Глота:

– Я не принимаю твои претензии ко мне, они беспочвенны! Прошел почти месяц с той игры. Я не мог бесконечно сидеть и гадать, жив ли ты. Все были уверены, что тебя больше нет. И я поступил честно, продолжив играть. А ты должен был давно сообщить судьям, что ты жив! Ты сам во всем виноват, Глот! Поэтому сегодня дама бубен принадлежит Юлию Дончарову. Но я готов пойти тебе навстречу, чтобы никто не думал, что я нечестный человек: через десять дней ты получишь даму бубен снова.

Он посмотрел на судей, и те удовлетворенно закивали.

– Я вторично предлагаю тебе замену. Посмотри, дама трэф очень красива, и ты можешь ее использовать как хочешь, поступать по своему разумению, даже спать с нею, кроме физического насилия.

– Мне нужна дама бубен сейчас! – упрямо сказал Глот и окинул взглядом Дончарова, который все это время молчал и слушал, чем закончится спор. Между тем вид Юлия говорил о том, что его сделка состоялась и претензии Глота для него – пустой звук.

– Еще тринадцать дней дама бубен должна быть у меня! – произнес Глот, схватил Ксению за руку и потянул к себе.

Саша нервно вырвал у него руку Ксении и заслонил креп-

ким плечом.

– Держи! – сказал Дончарову. – Десять дней она твоя по условиям игры!

Речерская испуганно сжалась. Как знать, чем все закончится? Было видно, что Глот просто так не отступится, но и Саша не уступит. Коса на камень. Что же будет? Ведь еще не сказал своего слова Дончаров. Чьи права выше в этих обстоятельствах, Глота либо Юлия? Чья воля окажется сильнее?

Девушка поймала глаза Дончарова, и что-то в них понравилось ей. Она не могла сказать, добрыми они были или нет, но они не были пустыми и злыми, как у Глота.

Юлий протянул к ней руку, Речерская уцепилась за нее, как за соломинку, ощущая ее твердость. Придвинулась к Дончарову, прижалась, уловила упругость его тела – и словно испытала удар током. Ее потянуло к нему. По телу разлилось тепло, и Ксении стало жарко. Юлий обнял ее.

Саша подвел Фаину Палия к Глоту, но тот резко оттолкнул их от себя:

– С дороги! Мне эта девка не нужна! Я таких кукол на улице десятками пропускаю!

Фаину эти слова задели за живое, она расширила ноздри от негодования, но сдержалась и промолчала.

Глот в бешенстве выскочил из комнаты, хлопнул дверью.

Саша погладил Фаину по бедру, успокаивая. Та через силу улыбнулась.

Девушек отпустили одеться.

Саша подошел к Юлию:

– Нам стоит познакомиться.

– Зачем? – удивленно посмотрел Дончаров.

Саша опешил от вопроса и качнул мускулами:

– Я должен знать, в чьи руки на десять дней попала моя дама бубен.

– Ты должен знать только одно, – ответил Дончаров, сунув руку в карман брюк, – нарушил я или не нарушил условия. Об этом ты будешь знать доподлинно. Обещаю.

Саше не понравился ответ Дончарова. Конечно, он знал, кто такой был Юлий, однако не был знаком с ним лично, но сейчас тот как бы поставил его в угол, как провинившегося недоросля. Саша проглотил пилюлю с дрожью и остервенением:

– Ты зря, кореш, так со мной.

Дончаров глянул на Сашу, как на назойливую муху, и, отвернувшись, направился к выходу из комнаты. За дверью в коридоре, взяв у охраны свой ствол, увидел одетую Ксению и даже залюбовался ею.

Саша выскочил следом, тоже схватил пистолет и сердито прошел мимо них навстречу Фаине. Та тоже была в одежде и улыбалась ему. Саша нервно погладил ее щеку, подхватил под руку, повел с собой.

Самолюбие Глота было ущемлено. Он оскорбился, чувствовал себя униженным, поставленным на колени. Вышел

на улицу и глянул в сторону машины Саши, глаза налились мутью. Крутнулся на месте и мгновенно пропал с глаз.

Саша с Фаиной показался чуть погодя, остановился на ступенях, осмотрелся. За спиной у него было длинное здание в несколько этажей со сплошь панорамным остеклением по первому этажу. Правая часть этажа – два магазина, один – косметика и химия, второй – супермаркет. Слева – салон красоты и магазин мебели. По центру – бильярдный клуб со стеклянными дверями.

Клуб не выделялся на общем фоне, разве что стекла и двери были с некоторым затемнением, тогда как остальное остекление этажа было прозрачным. Название клуба не било по глазам яркостью и вычурностью рисунка, как пялились в глаза названия салона красоты, магазина мебели, супермаркета и магазина косметики и химии. Под ногами – высокое длинное крыльцо, отделанное плиткой разных тонов. Цветовая гамма против торговых точек зависела от вкусов их владельцев. Перед бильярдным клубом плитка была густо-зеленой расцветки. Справа и слева от клуба – серый и красный цвет.

Перед зданием, вдоль него – тротуар, за ним – большая парковочная площадка, куда то и дело подъезжали-отъезжали автомобили.

Паляя спустилась двумя ступенями ниже и ждала, оглядываясь на Апро.

Тот, как и Глот, был в нервном напряжении. Но считал,

что в стычке с Глотом ему удалось выйти сухим из воды. Удача редко изменяла ему. Часто бежала впереди. Глот попытался угрожать, но Саша не боялся его, Глот не очень крупная рыба в их пруду, однако его прикрывал Карась, а с тем Саша играл на этом поле на равных.

Апро окинул взором девушку при ярком солнечном свете: она была красива, но не в его вкусе и ему, по сути, была не нужна. Он не придумал, как использовать ее десять дней, но знал: она должна приносить ему доход, как приносила Ксения. Саша считал, что игра сегодня была удачной. В кармане лежала изрядная сумма, а рядом была красивая девушка, цена коей была высока.

Апро двигался вдоль тротуара к парковке. Паляя шла рядом. За ними плелся подручный Саши. Солнце било в глаза. Асфальт под ногами был чистым.

Подойдя к машине, Саша открыл дверь и пропустил вперед себя Фаину. Та юркнула в салон. Подручный Саши сел за руль. Апро тоже занес ногу, но сзади услышал голос Глота: – А теперь поговорим, Саша.

Тот оглянулся, опытным взглядом окинул Глота, но ничего опасного для себя не заметил, прикрыл дверь и повернулся к нему:

– Уже все обговорили, Глот. В комнате я с тобой говорил как с игроком, а здесь иди мети дорожку передо мной. Здесь я буду говорить только с Карасем.

Подручный Саши вылез из-за руля, взглядом спрашивая,

не вправить ли мозги Глоту. Апро движением руки остановил его. Тот помялся чуток и снова вернулся за руль.

Саша не собирался больше разговаривать с Глотом – все, что тот скажет, он знал наперед. Ощутил тяжесть ствола в кармане брюк и подумал, что стоило бы пришить Глота окончательно, коль не удалось с первого раза. Только не сейчас, иначе сразу станет ясно, что он сделал это в отместку, чтобы не выполнять обещание, какое недавно сам дал. Тогда его авторитет серьезно пошатнется. Сделать это нужно будет потихому, без всякого усилия. А сейчас Глот должен знать свое место.

– Когда нужен будешь мне, я за тобой пошлю, – сказал Саша и снова приоткрыл дверь авто, намереваясь сесть в салон. Но в эту секунду услышал негромкие слова Глота, какие остановили Апро.

– А ведь я видел тебя, Саша! – сказал Глот. – Так что нам есть о чем поговорить!

– Что ты видел? – недоверчиво спросил Апро.

– Я видел твою машину, Саша. – Глот смотрел с угрозой. – Так что, поговорим, кореш?

– Не понимаю, о чем ты. – Саша опять ощутил в кармане тяжесть пистолета.

– Понимаешь, все ты понимаешь, – сказал Глот. – В связи с этим у меня новые условия. За твою подянку ты должен отдать мне куклу на целый год и без всяких ограничений по использованию.

– Разговор не получится, – ответил Саша и подумал, успеет ли выхватить ствол, если Глот схватится за оружие. Должен успеть.

– Нет, кореш, получится, – не согласился Глот, – и куклу я заберу прямо сейчас.

– Ты не долечился, Глот, – сказал Саша. – Может, и не стоило лечиться. Игра закончена. Дама бубен в других руках.

– Это не игра, Саша, – не отступал Глот. – Это наши с тобой дела. Твой должок передо мной. Ты замочил моего кореша, а он дорого стоил, ты и меня чуть не пришил. Врач сказал Карасю, еще б чуть ниже – и моя душа была бы у господ бога. Но дама бубен приносит мне удачу!

– Жаль, что я задолжал богу! Но я не люблю долго оставаться в долгу! А даму бубен получишь через десять дней на тридцать три дня, согласно правилам игры. Про год даже не думай, но помни о моем долге перед богом! И не перечь мне, ибо бог ждет твою душу! – Саша схватил Глота за горло и отшвырнул: – Пошел вон!

И взялся за ручку двери.

Но он не успел открыть, так-как из рукава Глота выскользнуло лезвие ножа и острие вошло прямо в сердце Саше. Тот умер мгновенно, даже не поняв, что уже мертв.

– А тебе дама бубен удачу не принесла. – Глот выдернул нож из его тела.

Оно стало медленно оседать на землю. Глот удержал его, распахнул дверь авто, втолкнул в салон головой вперед. И

мгновенно исчез в толпе на тротуаре. Голова Саши уткнулась в колени Фаины Палия.

Та не сразу сообразила, что произошло, пока не увидела кровь. Запищала.

Подручный Саши выскочил из машины и заметался по площадке, но Глота нигде не было.

Когда Дончаров вместе с Ксенией вышел на улицу, то возле машины Апро уже собралась толпа зевак.

– Что там? – спросила Речерская. – Это машина Саши.

– Посмотрим, – приостановился Юлий, удерживая Ксению, готовую побежать туда. Оглянулся на своего подручного: – Узнай!

Тот быстро сбегал и вернулся:

– Пришили Сашу!

Ксению словно окатило ушатом холодной воды. В первое мгновение появился испуг, потом растерянность, потом ужаснувшая ее радостная мысль, что наконец-то она свободна. Все последнее время она жаждала свободы. И вдруг вот так. Но что же теперь? Должна ли она теперь оставаться возле Дончарова?

Юлий прервал ее мысли, приказал подручному:

– В машину ее!

А сам направился к толпе зевак.

Подручный быстро повел Речерскую к машине Дончарова. Открыл – и не посадил, а бросил Ксению в салон и захлопнул за нею дверь. Сел за руль. Девушка прилипла к

спинке сиденья и притихла.

Юлий в эту минуту подошел к толпе и увидел около машины мятущегося, брызгавшего слюной подручного Саши:

– Глот, Глот, подонок, Глот! Я тебя достану, скотина!

Стало ясно, кто убил Сашу. Юлий был за спинами толпы, он любил оставаться в тени.

Рядом с авто испуганно скукожилась Фаина Паляя, бегая глазами по толпе. Вдруг увидала Дончарова и кинулась к нему. Он стал уходить, она догнала:

– Юлий, куда мне теперь?

– Не поняла еще? – Недовольно кинул короткий взгляд на нее: – Какого черта топчешься возле его авто? Исчезни быстро! Я тебя найду!

Фаина покорно бросилась вон.

Юлий направился к своей машине и заметил возле нее Глота, тот распахнул дверь и скрылся в салоне. Дончаров замер от неожиданности, схватился за пистолет. А Глот в эти секунды в салоне авто прижал острие ножа к горлу водителя:

– Газуй!

– Остынь, Глот, бесполезно, – противился тот.

Лицо Глота сковало выражение безысходности. Водитель почувствовал, как острие ножа врезалось ему в горло и говорить стало невозможно.

– Не шелести, картавый! – дыхнул в ухо Глот. – Еще секунда – и каюк! Жми!

Дончаров не успел, автомобиль из-под самого носа со-

рвался с места. Юлий лихорадочно заметался. Неподалеку молодая пара села в автомобиль: парень – за руль, девушка – сзади. Не раздумывая, Юлий прыгнул на переднее сиденье рядом с водителем, показал стволом:

– За той машиной!

– Ты что, приятель? – заволновался парень, глядя на пистолет.

Девушка сзади испуганно вскрикнула и, неожиданно распахнув дверь со своей стороны, выпрыгнула из авто.

Юлий упер ствол в бок парню.

Тот переменялся в лице:

– Понял! Понял!

Глот ослабил давление ножа на горло водителю, по коже потекла узенькая красная струйка. Водитель попросил:

– Убери нож.

– Не верти башкой, отрежу в один миг! – предупредил Глот, и по его виду было ясно, что он не задумываясь исполнит свою угрозу, если ему перечить. – И граблями не дергай на руле! Где ствол?

Водитель кивком головы показал. Глот выдернул пистолет у него из-за пояса и замурчал удовлетворенно.

Речерская сидела ни жива ни мертва. Однако хорошо слышала голос Глота, обращенный к ней:

– Запомни, я никогда не проигрываю!

– Саша тоже так думал, – отозвалась она, еще больше

углубляясь в спинку сиденья.

– Теперь ты работать будешь для меня! – сердито сказал Глот и приказал водителю: – Рули в переулочек!

Тот подчинился и повернул налево. Солнце жарило так, будто черти в преисподней разожгли все свои огневища. После поворота Глот остановил авто и скомандовал водителю: – Выметайся!

Тому не надо было повторять дважды, он кубарем вывалился из салона.

Глот мигом перебрался на водительское место.

Ксения открыла дверь с намерением выскочить из машины, но выпрыгнуть на дорогу не решилась, потому что авто стало быстро набирать скорость.

В тот же переулочек повернула машина с Дончаровым. Через лобовое стекло он увидел на обочине своего подручного, но останавливаться не стал.

Глот жал на педаль газа озлобленно, но вдруг мотор чихнул и заглох, машина пошла юзом, тормозя всеми колесами. Глот выругался. А Ксения ничего не поняла. Но Глот сообразил: сработала сигнализация, заблокировала управление – значит, у водителя в кармане остался маячок. Он зарычал и ударил кулаками по рулю. Как мог допустить такую оплошность? Ему еще бы минут пятнадцать-двадцать – и ищи-свищи. Но облом. Поспешил вышвырнуть водителя, ох поспешил. Глот был взбешен.

Вынес свое тело из-за руля, потом открыл пассажирскую

дверь и выдернул из салона Ксению. Встал с пистолетом посередине дороги, останавливая идущую следом машину.

Автомобиль резко затормозил.

Глот спешно кинулся к пассажирской двери, распахнул, толкнул в салон Ксению и ринулся сам – и в этот миг увидел ствол, направленный ему в лоб. Глот поднял глаза и наткнулся на взгляд Дончарова. Юлий, развернувшись к нему, держал руку с пистолетом между спинками.

В последний миг Глот ощутил, как прямо ему в лицо вылетел снап огня, и пуля вошла в лоб. Тело повалилось назад, упало навзничь. Руки широко раскинуты, глаза раскрыты, в них, даже в мертвых, продолжало жить удивление.

Водитель торопливо надавил на акселератор.

Речерская не двигалась, ошеломленная произошедшим, и стала успокаиваться лишь тогда, когда услышала невозмутимый голос Юлия:

– Закрой дверь!

Механически выполнила его просьбу. После этого подумала, что Глот сегодня тоже проиграл – слишком был самоуверен. И опять, как после известия о гибели Саши, она второй раз ощутила удовлетворение, оттого что Глота не стало в ее жизни. Она знала его всего неделю, но этой недели хватило, чтобы возненавидеть. Смотрела на Дончарова и не хотела, чтобы он был похож на тех, кто убит сегодня, хотя, кажется, он мало чем отличается от них. Впрочем, как знать, что произойдет дальше.

Машина отъехала на приличное расстояние, покрутилась по шумным улицам, и Юлий распорядился остановиться. Вытащил из кармана пачку денег, бросил водителю:

– Это за работу и за амнезию! Проговоришься где-нибудь или сдашь ментам, найду и убью!

Парень глянул на кучу денег и ничего не ответил, но по его позвоночнику пробежали мурашки. Он будто почувствовал запах крови: да, это была не просто угроза, а так и случится, если он не прикусит язык.

Дончаров вместе с Ксенией вылез из машины.

Автомобиль сорвался с места.

Юлий взял голову Речерской в руки, пристально посмотрел в глаза:

– А ты, оказывается, дорогая штучка. Выходит, мне подфартило сегодня в игре. Интересно, какие охотники на тебя еще появятся?

Ксения промолчала. Она знала: многие возвращались в игровую комнату, чтобы сразиться с Сашей и выиграть ее второй раз, но не всем везло. Станным для нее казалось, что многие считали, будто она приносила удачу. Теперь, когда узнают, что Сашу грохнули, желающие на нее могут снова активизироваться, чтобы надолго прибрать к рукам.

Но ей осточертело быть предметом торга, ставкой в игре, пора бы самой делать ставки. И, возможно, такое время наступило ныне – смерть Саши и Глота сбросила с ее ног стопудовые оковы. Дончарову теперь не перед кем отчитываться.

ся за выполнение условий игры, но, значит, и у нее нет обязательств по их соблюдению. Ей надо выбираться из этой полой ямы, выползти наверх и начать другую игру, с другими условиями. Наука, полученная от Саши и от поганого омута, где пришлось вращаться, где побеждал сильнейший, где жили по понятиям, не могла пройти даром. Она впитала ее.

Юлий остановил такси, сели, проехали несколько кварталов и вышли. Дончаров позвонил по телефону.

Его подручный, после того как был вышвырнут из авто Глотом, отбежал с дороги и стал ждать за деревом. Он знал, что машина проедет не более ста пятидесяти – двухсот метров, и сигнализация заблокирует систему управления. Ведь маячок лежал у него в кармане. Так и произошло.

Он видел, как машина пошла юзом, как Глот с Ксенией выпрыгнул, как остановил другую. Толком не понял, но догадался, что Глоту не повезло, когда тот поленом отвалился от авто.

И вот авто исчезло, увозя девушку, а он бегом пустился к своей машине. Пробегая мимо трупа Глота, даже не глянул на него. Заскочил в машину и завел мотор. Отъехал недалеко, как зазвонил телефон, на дисплее увидел номер Дончарова.

– Подъезжай! Я жду! – приказал тот и назвал место, где они с Ксенией находились.

3

Днем в полицию поступил первый звонок об убийстве на парковке. Оперативники прибыли на место. Саша Апро был известен в городе по криминальным делам. Концовка у таких, как он, всегда одинакова. Последнее время на его счет были подозрения в ряде убийств, но прямых доказательств не имелось. А теперь вот и самого посадили на нож. Подручный Саши назвал имя убийцы, но не обмолвился о Фаине. Еще на месте не отработали этот случай, как поступил второй звонок о трупе с пулевым отверстием во лбу в одном из переулков. Работы операм прибавилось.

Акламин изучил полученные материалы. Отпечатки пальцев трупа Глота совпали с теми, какие оставил преступник на руле автомобиля Корозова. Аристарх пригласил Глеба в морг для опознания. Тот опознал, опознали и водитель с охранником. Но Сашу Апро никто не узнал. Лишь охранник Глеба заявил уверенно, осмотрев машину Саши:

– Тот самый автомобиль! Точно, тот! Бампер со стороны багажника чуть промят сбоку и сбита краска, видно, кто-то его слегка поцеловал. Я это запомнил, когда бросился следом.

Итак, появилась цепочка событий: от магазина одежды до трупа Глота в переулке. Но из цепочки выпала Ксения. Она куда-то пропала. А Корозов между тем настаивал на своем:

– Я тебе говорил, что надо обязательно найти ее. Тогда и вопросы отпадут!

Таким образом, у Аристарха после первых удач с опознанием опять все забуксовало. Вокруг Ксении образовался какой-то вакуум: она существовала – и ее как будто не было. В голове у него крутились последние слова девушки, которые та сказала Корозову, что Глот выиграл ее в карты. Выиграл в карты. Операм было известно, что Саша любил картежные игры. Это могло означать, что именно он проиграл девушку Глоту и потом решил вернуть ее. Про Глота выяснили, что тот увлекался машинами, соседи предполагали, мог подворовывать их, ибо наблюдали, как иногда к дому подкатывал на разных авто. У него всегда водились деньжата. А при деньгах можно развлекаться картишками.

После этих событий прошло две недели. В один из вечеров Глеб вместе с женой Ольгой поехал поужинать в ресторан. Обыкновенно они ездили в один и тот же, как-то уже привязались к нему, привыкли к кухне и обслуживанию. Но на сей раз на полпути к ресторану Ольга попросила свернуть к любому другому, объяснив:

– Хочется поменять обстановку. Попробовать новые блюда. Посмотреть, как у других.

– Как скажешь, Оленька, – поцеловал Глеб ее ладонь и отдал распоряжение водителю.

Подъехали, вышли из автомобиля, она взяла его под руку.

Пересекли тротуар, покрытый цветной плиткой. Какой-то велосипедист в спортивной одежде чуть было не наехал на них. Если бы охранник Глеба не выскочил наперерез, так бы и случилось.

Велосипедист успел затормозить, соскочил на тротуар, улыбаясь добродушно. Высокий охранник стоял как вкопанный, широко расставив ноги и сжав зубы.

Пожилая пара пешеходов, неспешно прогуливавшаяся, не преминула заметить, что так носиться на велосипеде – можно и шею свернуть.

Перед рестораном – крыльцо с перилами с двух сторон. На ступенях поверх бежевой плитки прикреплена мягкая прорезиненная дорожка, чтобы не скользила обувь. Двери широкие, стеклянные. Над дверями – большая медная подкова. На удачу. Над нею большими крыльями красовалось романтическое название ресторана «Магия души».

Они вошли внутрь. Большой белый зал – со свечами на столах, с картинами на стенах, с ломаным потолком с подсветкой – был разделен круглыми колоннами пополам. И в одной и в другой половине был народ, но в дальней половине столы были сдвинуты в одну линию и заставлены яствами, как обычно делается при проведении торжества. Перед столами – площадка для танцев. Люди медленно кружились под танцевальную музыку.

При входе Корозовых встретил официант, молодой шустрый рыжеволосый парень с усиками, в белой рубашке с ба-

бочкой, уточнил:

– Вы по приглашению?

– Нет, мы просто проезжали мимо, – сказал Глеб.

– Тогда пройдите вот сюда за любой незанятый столик. –

Официант показал рукой в направлении половины зала, где не проводилось торжество.

Ольга направилась к свободному столику, Глеб последовал за нею. Расположившись, сделали заказ, и Ольга осмотрелась. По ее лицу муж увидел, что ей понравилось внутреннее оформление. Он тоже одобрительно кивнул в ответ на ее взгляд.

Торжество в другой половине зала шло полным ходом. По шуму и поведению людей Глеб определил, что длится оно не менее двух часов. За столами не было стройного и чинного порядка. Было непонятно, кого чествовали или какое отмечали событие. Похоже, участники торжества уже и сами забыли, по какому случаю собрались, произносили тосты не по теме торжества, а по настроению. Мужчины пребывали навеселе, покачивались и запинаясь в танцах. Но и женщины не отставали от них.

Корозов и его жена сели боком к участникам вечеринки, чтобы не находиться в роли любопытствующих посетителей. Принесли заказ, и они приступили к ужину. Ольга попробовала холодные блюда и посмотрела на Глеба не очень довольными глазами. Он опять кивнул ей в ответ:

– Согласен, Оленька, вкус не такой, к какому мы привык-

ли. Но это не значит, что он хуже. В нем есть что-то свое. И потом, ведь не может быть во всех ресторанах одинаково. — Он вновь поднес вилку ко рту, прожевал и заметил: — В общем-то съедобно. Попробуем остальные блюда. Думаю, не разочаруют.

Ольга улыбнулась. Ужин прошел спокойно. По завершении Глеб расплатился по счету, встал и шагнул к жене, чтобы помочь ей. Отодвинул стул. И в этот момент взгляд упал на вторую половину зала. Заметил, что участники торжества изрядно наклюкались. Сидели за столами в обнимку отдельными группами, пили кто за что, не говорили, а плели языками. Танцующие пары топтались на месте, поддерживая друг друга.

Неожиданно Глеб встретил глаза одного из топтавшихся мужчин. Лицо показалось знакомым, но он не узнал его, отвернулся, взял Ольгу под локоть, повел к выходу. Однако мужчина узнал Корозова, остановил танец и вместе со своей спутницей тронулся за Глебом, окликнул:

— Глеб, вот так встреча! Уже уходишь? Как жаль, что не выпили с тобой!

Корозов оглянулся и только тут вспомнил, что это один из предпринимателей города, Руслан Шедрин. Года три-четыре назад бригада Руслана делала ремонт в одном из его магазинов. Шедрин, небольшой ростом, с брюшком, мешковатый, с помятым раскрасневшимся лицом и смятым воротом рубашки, шел неровной походкой, немного опережая свою попут-

чицу, издав далеко протягивая для пожатия широкую руку с короткими пальцами.

Глеб улыбнулся и пожал ее.

– А мы здесь празднуем. – Язык Руслана заметно потерял гибкость, последнее слово он произнес с трудом, как будто перелезал через барьер. – У моего приятеля сын окончил институт, вот отмечаем.

Руслан покачивался и причмокивал губами:

– Может, выпьем с тобой, Глеб, по этому поводу?

Спутница Шедрина, красотка с тонкой талией, придерживала его за локоть, улыбаясь Корозову и говоря Руслану:

– Это будет лишнее, Руслан.

Шедрин посмотрел на нее так, словно первый раз увидел, а потому удивился, что она вмешивается в чужой разговор, отодвинул от себя:

– Не твоего ума.

Но представил Глебу:

– Это Фаина Палия, дама трэф. Правда, хороша, Глеб?

Шедрин с трудом управлялся со своими ногами. Они не слушались хозяина. Особенно, когда оттолкнул спутницу и она перестала его придерживать, ноги пошли в разнос. Ему явно потребовалась дополнительная опора, какую настойчиво стала искать правая рука Шедрина.

– Недурна, – подтвердил Глеб сдержанно.

Палия улыбнулась ему.

– Она недешево мне стоила, Глеб, – вновь пьяно качнулся

Шедрин.

– За такую красотку не жалко дорого заплатить, – заметил Глеб, приняв его слова за пьяную похвальбу, уже хотел прервать разговор и распрощаться, тем более что Ольга стояла у двери, ждала его.

– Я вчера ее в карты выиграл, Глеб, – вдруг проговорил Руслан. – На десять дней. А иначе такая фифа даже не посмотрела бы на меня на улице. А так я теперь ее властелин. Что хочу, то и ворочу с нею.

Корозов не изменился в лице, но внутри у него все насто-рожилось. Упоминание о картежном выигрыше сразу напомнило о Ксении.

– Тебе повезло, Руслан, – сказал он, внимательно взглянув на Фаину. – Где же такую красотку можно выиграть? – осторожно попытался выудить Глеб.

– Есть место, Глеб, – медленно расплылся в загадочной пьяной улыбке Шедрин и пальцами зажал себе рот, как бы говоря, что это секрет. Перевел взгляд на Ольгу у двери: – Тебе это не надо, Глеб, ты вон тоже себе жену в лотерею выиграл. И потом, ты не картежник, ты всегда будешь проигрывать.

Корозов пронзил взглядом Фаину, словно хотел от нее узнать ответ на свой вопрос, и, может быть, та была готова ответить, но Руслан вдруг качнулся к нему, схватил руку и сильно затряс:

– До свидания, Глеб, до следующей встречи!

В эту минуту Глеб пожалел, что не выпил вместе с Русланом, может быть, тогда удалось бы выяснить все до конца, а теперь приходится проглотить досаду.

– Не обижай Фаину, – сказал напоследок и пошел к Ольге.

– Кто он такой? – Паляя толкнула Руслана в бок, когда Корозов отошел.

– Дура, это же Глеб Корозов.

Шедрин обнял Фаину за плечи и подтолкнул в другую половину зала, почти повиснув на ней.

– А кто он? – опять повторила Паляя, подводя Руслана к столу.

– Предприниматель, – прожевал тот и плюхнулся на стул.

– Почему ты ему не сказал, где проходит игра? – Фаина наклонилась над спинкой стула к его уху. – Я хочу, чтобы он меня выиграл!

– Дура, зачем ты ему нужна, у него уже есть! – Руслан оперся одним локтем о крышку стола, а второй рукой взял вилку и поковырялся в салате.

Глеб вышел из ресторана, придерживая под локоть жену. Улица уже была освещена светильниками. Перед входом в ресторан горели два фонаря, свет от них падал на крыльцо и тротуар перед рестораном. Вдоль ресторана у обочины дороги – длинная цепочка припаркованных машин.

Ольга, спускаясь по ступеням, вопросительно взглянула на мужа:

– Что это была за пара?

– У него бизнес по строительному ремонту, – ответил он и спросил: – Ты видела с ним девушку? Ее зовут Фаина Палия. Он сказал, что выиграл ее в карты на десять дней. Помнишь, я рассказывал тебе про Ксению? Мне сейчас показалось, что Фаина из той же оперы. Все это очень странно.

– Если твои догадки верны, тогда Фаина может знать Ксению, – подсказала Ольга, приостанавливаясь.

– Ты умница, Оленька, ты большая умница у меня.

Помолчал.

– А значит, через Фаину можно попробовать найти Ксению.

Достал телефон:

– Исай, срочно возьми с собой пару ребят и лети к ресторану «Магия души». Есть новое задание!

Водитель открыл дверь машины. Глеб помог сесть Ольге и сел рядом. Охранник прыгнул на переднее сиденье возле водителя. Не двигались, ждали начальника охраны. Исай подъехал через пятнадцать минут. Корозов без лишних вступлений показал на ресторан:

– Там сейчас участниками застолья – предприниматель Руслан Шедрин и девушка Фаина Палия. Проследи за каждым из них. Как можно больше информации. Где, когда, куда, с кем? Мой охранник покажет тебе Шедрина. – А тому уточнил: – Это тот, который подходил ко мне.

Исай глянул на охранника, и парень торопливо выскочил из машины. Оба двинулись к ресторану.

Автомобиль Корозова, включив фары, медленно покати-
лся с места. Из машины Глеб позвонил Акламину.

Компания, в которой праздновал Шедрин, уже глубокой
ночью целой гурьбой вывалилась из ресторана. Машина Ис-
ая последовала за авто Руслана. Десять дней не выпускали
Шедрина и Фаину из поля зрения. Все дни она была рядом
с Русланом. Все дни они кутили по ресторанам и кафе.

В конце десятидневки, поздним вечером, охранники по-
теряли их во дворе одного из домов. Те зашли за угол, и, пока
охранник выскочил из машины и пустился следом, их след
простыл в темноте. Исчезли в каком-то подъезде. Пришлось
терпеливо ждать в засаде. Шедрин появился через пятна-
дцать минут. Один. Быстрой походкой направился к маши-
не. Фаина вышла через полчаса после него. С другим чело-
веком. Эту парочку щелкнули на фото, когда она проходила
под уличным светильником. Позвонили Исаю, сообщив, что
появился новый клиент, какого взяли под наблюдение. От-
правили ему на телефон фото, хоть и не совсем удачное.

Довольно быстро Исай выяснил, что на фото был некий
Юлий Дончаров. Для Корозова это имя ни о чем не говори-
ло. Но Акламина фото заинтересовало, он сразу узнал кли-
ента.

– Старый знакомый, – сказал серьезно. – Дончаров. С дру-
гой прической, правда.

– Откуда ты его знаешь? – спросил Глеб, сидя перед Ари-
стархом в его кабинете и показывая фотографию на телефо-

не.

– Перебрось фото на мой смартфон, – попросил Акламин. – При дневном свете оно было бы лучше.

Помолчал и добавил:

– Лет пять назад я зацепил Дончарова на одном деле и он получил срок полтора года. Через полтора года снова появился в городе и занялся каким-то бизнесом. Не знаю каким, но с тех пор в наше поле зрения он больше не попадал.

– Осторожным стал, – не то спросил, не то сделал свое умозаключение Глеб.

Аристарх не отклонил этого, но и не подтвердил, чем Глеб остался не очень доволен. Просто сейчас у Акламина не было оснований подозревать Дончарова в каких-либо темных делах только на том основании, что рядом с ним оказалась некая Фаина Палия, какая якобы была проиграна в карты Руслану Шедрину. Пока все это были только слова и предположения.

Вот если бы возле Дончарова была Ксения, тогда бы колесо завертелось. Тогда была бы видна связь. А тут не уцепиться ни с какого боку. Взять в оборот Шедрина? Но что предъявить? Его пьяные слова? Откажется, скажет, что ничего такого не говорил. Только вспугнешь, и тогда все затаятся, никого не достанешь. К сожалению, предыдущие убийства могут быть не последними.

Глеб поднялся со стула. Аристарх тоже встал, молчком протянул руку. Попрощались. Корозов вышел из кабинета.

Он еще не знал, что охранникам Исяя, следившим за Дончаровым, крупно не повезло.

4

Почти в то же самое время, когда Глеб находился у Акламина, двое охранников Исаия сидели в своей машине и кружили по городу следом за Юлием. Они не догадывались, что Дончаров давно заметил хвост за собой. И устроил западню. Припарковался недалеко от городского рынка в гуще машин. Охранники Исаия тоже приткнулись на обочине дороги. Ждали, когда Юлий выйдет из авто, и готовы были выскочить следом, но Дончаров не выходил. Время шло, а он по-прежнему оставался в машине. Решили, что Юлий кого-то ждал. Расслабились.

А тот ждал своих подручных, какие подкатили и окружили авто охранников. Четверо с двух сторон. Брызнули разбитые стекла, и стволы уперлись парням в виски. Потом сзади на шею накинули шнуры. По салону разнесся хрип. Голос за спиной проскрипел:

– Жить хотите, жуки навозные?!

Охранники в ответ закивали, хватая по-рыбьи воздух ртами и пытаясь пальцами ослабить шнуры. Но те снова натянулись, и в глазах у парней потемнело, тела выгнулись. Когда казалось, что еще секунда – и все будет закончено, натяжку ослабили, и охранники зашлись кашлем.

– Кто послал? – промычал сбоку лохматый подручный, вдавливая ствол в висок водителю.

Тот не успел ничего ответить, как в кармане рубашки раздался звонок телефона. Сзади из-за подголовника протянулась рука и вытащила его, а над ухом охранника проскрипело:

– Кто звонит?

Парень пожал плечами, он не видел, кто ему звонил, хотя догадывался, что звонить мог только Исай.

– Врать будешь, придушу! – Подручный Юлия сзади потянул за шнур. – Чей это номер? Не будешь говорить – кранты тебе!

Звонок Исая прервался. Охранник молчал. Видя, что парень не собирается отвечать, подручный Дончарова затянул петлю так, что шнур врезался в горло и, казалось, перережет шею парню напополам. Потом ослабил, дал вдохнуть воздуха, издавая голосовыми связками скрип за спиной парня.

– Исай, – с трудом выдавил охранник, содрогаясь. – Он послал последить.

– Где его найти? – Лохматый парень сбоку больно ткнул стволом в ухо.

Охранник назвал адрес офиса, а подручный с заднего сиденья противно проскрипел, дергая шнур:

– Что ему надо?

– Не знаем, ей-богу, не знаем! – Парень задрожал губами, боясь, что его ответ может не понравиться.

Его ответ действительно не понравился, охранник почувствовал, как удавка на горле снова начала затягиваться, и он,

опережая ее, выпалил быстро-быстро:

– Мы только должны были сообщать о передвижениях.

Но шнур сдавливал все сильнее, парень стал хрипеть, изгибаться, хватаясь руками за руль, за петлю и за руки того, кто сзади стягивал ее. Между тем удавка окончательно перехватила дыхание, тело задергалось в судорогах и вытянулось, а голос убийцы сзади противно проскрипел:

– Я предупреждал, чтобы не врал!

Второй охранник, сбоку от водителя, также с петлей на шее, боковым зрением с ужасом смотрел за происходящим. Он видел, как тело его напарника за рулем затихло и ослабло на сиденье, голова безвольно повисла, а лохматый подельник с пистолетом, не говоря ни слова, зло захлопнул водительскую дверь.

Парень сидел не шевелясь, помалкивал и напряженно думал, как поступить. Выхода никакого не было, конец, казалось, был предрешен. Он ощутил, что шнур на его шее пошевелился и стал давить на горло, после чего все тот же голос проскрипел, наводя на охранника не только ужас, но смертельный холод:

– Теперь отвечай ты, если жить хочешь! Говори все!

Парень, конечно, хотел жить, но ответить больше того, что уже было сказано, он не мог, ибо сказано было практически все. Однако желание жить заставляло бороться и искать выход из создавшегося положения. Неожиданно для себя он просипел:

– Скажу самому Дончарову.

Удавка на горле на минуту замерла. Охранник не видел, как двое у него за спиной переглянулись. Парень на самом деле не знал, что он может сказать Дончарову, но в этой фразе он внезапно почувствовал путь к возможному спасению для себя. Однако в те же самые секунды осознавал, что у него не было тех слов, какие могли спасти ему жизнь, у него просто не было никакой информации для Юлия. Но это была отсрочка, какое-никакое время, чтобы что-то придумать.

Удавка снова врезалась в горло, полностью перехватила дыхание. Парень пытался руками помочь себе, но все было бесполезно. Открывал рот, хватая воздух, но тот не проходил в легкие. Перед глазами поплыло, он увидел черную бескрайнюю и беззвездную ночь.

Между тем шнур резко ослабел – и парень со свистом, с храпом, с кашлем втянул в себя живой дух, в глазах вновь появился солнечный свет. Не успел еще как следует прийти в норму, как за спиной раздался звук:

– Говори мне!

Охранник жадно проглотил кусок густого и сладкого воздуха и стал глотать его много и часто, как будто хотел надолго насытиться. А потом опять, преодолевая страх, но предчувствуя, что эти его слова были для него как спасательный круг, выдохнул:

– Дончарову.

И добавил:

– Это серьезно.

После этого через пару минут за спиной у него раздался звук набора номера телефона и новый хруст голоса:

– Юлий, у него что-то есть, но сказать хочет только тебе.

Охранник не слышал, что ответил Дончаров. А тот ото-
звался из другой машины:

– Так потряси как следует, Борзой!

– Не говорит, жук навозный! Осталось задушить! – Противный голос Борзого запрыгал по салону.

– Тогда задуши! – Голос Дончарова был безразличным. – Долго тянешь, Борзой. Разучился, что ли?

– Раз плюнуть, только он гонит, что у него что-то серьезное.

Скрежет голоса Борзого за спиной парня теперь казался охраннику живительным, ибо от него зависело, сможет он убедить Дончарова или нет.

Юлий замолчал. Он думал, подойти ему самому или не выходить из машины. И наконец решил, что подходить к авто, в коем скоро найдут два трупа, ему не стоит – не надо, чтобы его вообще видели здесь. Мало ли какие свидетели могут появиться в дальнейшем. Проговорил:

– Тащи его сюда, Борзой!

Парень почувствовал, как петля на шее ослабла окончательно, шнур соскользнул с горла и убрался за спину. Голос Борзого сзади предупредил:

– Ну смотри, лапотник, дернешься – пуля догонит. Выле-

зай!

Охранник повернул лицо к открытой двери, подручный Юлия со стволом в руке отступил на шаг, давая дорогу. Парень неторопливо выставил из салона ногу и почувствовал твердость асфальта, а еще почувствовал, как будто родился заново. Увидел яркое солнце, от которого на душе сделалось изумительно хорошо. Нет, смерть не должна приходить в такой день, у смерти должны быть мрачные безжизненные дни.

Но, к сожалению, это далеко не так, ибо смерть приходит в любой день – и часто именно тогда, когда ее не ждешь и когда в ней не нуждаешься. Несколько минут назад в этот светлый день она забрала его напарника руками этих подельников.

Парень рывком вынес свое тело из салона и выпрямился. Подручный Юлия у него за спиной нажал стволом под ребра, и парень услышал:

– Колыхнешься, будет дырка!

Угрозы, угрозы, угрозы. Но, вдыхая солнечный воздух, уже не хотелось бояться никаких угроз. Парень, не оборачиваясь, двинулся к авто Дончарова. Сзади подручные вылезли из машины и захлопнули все двери.

Он не оглядывался, лавировал между хаотично припаркованными машинами – и краем глаза все-таки ухватил, что шли за ним только двое, а еще двое остались у автомобиля с его мертвым напарником. Прошибла мысль, что двое задержались у машины только потому, что его должны будут снова вернуть в нее независимо от того, что он скажет Дончарову.

Стало быть, его конец очевиден. И он стал быстро шнырять глазами перед собой, ища выход из положения. Неосторожно закрутил головой – и голос Борзого из-за спины предостерег:
– Не дергай башкой, а то отстригу вместе с волосами!

Охранник приближался к машине Дончарова. Пробираться было тесно, машины стояли почти вплотную и разъезжались с трудом. По другую сторону от машины Дончарова была припаркована «газель», а дальше грузовик – и опять хаотичный разброс легкового транспорта.

Когда оставалось до Юлия немного, Борзой опередил парня и подошел к двери. Сутуловатый, с резкими чертами лица. В руках у него не было оружия. Но пистолет второго подручного сзади давил охраннику под ребра. Всего один пистолет. Вот тот момент, который упустить нельзя, стрельнуло в мозгу охранника. Ствол, конечно, у Борзого тоже есть, напрягался мозг, но пока тот его достанет, пока сообразит, пройдет время. Это хорошо.

Дверь авто Дончарова слегка приоткрылась. Скоро он очутится перед этой щелью, чтобы вылить на Юлия свои слова. Но где их взять? Дончаров тут же поймет, что сказать ему нечего, и тогда – конец. Его оглоушат, вернут в машину и придушат. Наступила та единственная секунда, которая могла решить все. Надо действовать прямо сейчас.

Охранник сделал резкий полуборот, отбил пистолет локтем и ударил подручному кулаком в зубы. Тот опрокинулся навзничь.

Парень прыгнул в сторону, затем сделал два прыжка за «газель» и грузовик, а потом, пригибаясь, помчался между легковыми машинами. В ногах почувствовал удивительную легкость, они несли его, словно крылья.

Для подручных Дончарова этот финт оказался совершенно неожиданным. Борзой выдернул свой пистолет и бросился следом, пока опрокинутый подельник барахтался на земле.

По машинам, мимо каких пробежал парень, зачиркали пули. Звуков выстрелов не было слышно, стволы с глушителями. Заметил, как на дорогу из общего хаоса медленно выехал бежевый автомобиль. Он кинулся к нему, рванул за дверцу. Бросил в салон свое тело. Водитель что-то закричал ему в лицо, но парень перекрыл его крик своим:

– Вперед! Сзади бандиты!

Водитель ничего не понял, но последнее слово его явно обескуражило. А когда заднее стекло пробил пуля, он испугался, пригнул голову к рулю и надавил на газ.

Борзой еще несколько раз пальнул вдогонку. К нему подкатил автомобиль. Борзой прыгнул в него, и из-под колес авто выбился дым, оставляя на асфальте черный след горелой резины.

Охранник торопливо достал телефон, нервно набрал номер:

– Исай, – прокричал, – мы угодили в ловушку! Напарника пришили! Я ухожу от преследования на попутке. Бандиты на

хвосте! Мчим от рынка к центру города!

– Давай к офису! – потребовал Исай. Искать другие варианты было некогда. – Здесь встретим!

– На перекрестке – направо! – прокричал парень в ухо напуганному водителю. – Жми на полную, друг!

– Какого черта влез в мою машину?! – возмутился водитель и повернул направо. – Других не видел?!

– Некогда было разглядывать, приятель!

– Нашел приятеля! От тебя надо подальше держаться!

Минут пятнадцать устраивали гонки по улицам. Из автопреследователей периодически раздавались выстрелы. Наконец до офиса осталось рукой подать, и охранник проговорил:

– Приехали, друг! Сейчас будет остановка! Давай туда! Все, стоп!

Автомобиль резко затормозил, парень выпрыгнул из него. У здания на тротуаре группа охранников приготовилась встретить преследователей. Парень через тротуар кинулся к дверям офиса, показывая другим на приближающуюся машину.

Та поравнялась с офисом, когда охраннику оставалось пару шагов до двери. Раздалась автоматная очередь. Спину парню обожгло, как будто он принял сноп огня. Он рухнул и потерял сознание.

Машина с подручными Юлия проскочила мимо офиса, но за нею следом вынеслись две автомашины с охранниками.

Пропетляв по улицам и переулкам, подручные бросили

авто в одном из дворов и скрылись. Охранники, потеряв их, порыскали-порыскали вблизи и несолоно хлебавши вернулись в офис. Чуть позже другая группа нашла автомобиль у рынка с выбитыми стеклами и задушенным парнем. Корозов позвонил Акламину.

– Вот тебе и доказательство, Аристарх, что Дончаров бандит, – сказал, когда Акламин приехал к рынку. – Охранники следили за ним. Одного он убил, а второй, единственный свидетель, сейчас в больнице, но надеюсь, что он скоро придет в себя и все расскажет.

В машине, какую бросили подручные Дончарова, опера нашли отпечатки пальцев, в картотеке таких не было, машина числилась в угоне. У Акламина снова не появилось существенной прямой зацепки, чтобы взять за горло Юлия. Оставалось ждать, когда заговорит в реанимации охранник.

На следующий день после этих событий Корозов заглянул в торговый центр, в ювелирный отдел – посмотреть подарок для сестры на день ее рождения. Он вообще-то не любил один болтаться по ювелирным магазинам, копаться в изделиях и выбирать, толком не разбираясь в них. Обычно ходил с женой, его роль была оплачивать ее выбор.

Ольга делала это талантливо. Он всегда удивлялся, как ей удавалось, войдя, сразу положить глаз на то, что было безупречно.

Но сейчас жена была занята, а у него выкроилось немного

времени, чтобы заехать посмотреть золотые украшения. Однако покупать не собирался. Решил, что отложит несколько вещей, а потом привезет Ольгу. Ее идеальный вкус мгновенно отделит зерна от плевел.

Впрочем, бывало прежде, что ни одну из нескольких отложенных им вещиц она не воспринимала, а выбирала то, на чем он даже не останавливал взгляда. И в результате оказывалась права.

Глеб остановился у одного из прилавков с украшениями.

Весь ювелирный отдел от потолка до пола был залит светом. Даже плитка под ногами, как зеркала, отражала этот свет и слепила глаза. Украшения с драгоценными камнями сверкали в лучах подсветки, завораживали своим волшебством, приковывая взгляд. Можно было понять любителей этой красоты. Устоять перед нею трудно. Даже он, слабый знаток и ценитель драгоценностей, восторгался их видом.

Продавец в бело-бордовой униформе, небольшой бело-бордовой пилотке на голове, из-под которой вились красиво уложенные волосы, прикрывая уши, охотно показывала все, на что Глеб обращал внимание, и с упоением расхваливала. Он не смотрел по сторонам, обдумывал, что отложить, когда охранник шепнул ему на ухо:

– Глеб, посмотри. Вон стоит девка, какую мы голой на дороге подобрали.

Корозов мгновенно забыл об украшениях, повернулся, куда указывал охранник, и увидел у второго прилавка с дра-

гоценностями склонившуюся Ксению. Она стояла к нему спиной, но Глеб сразу узнал ее. Это были ее длинные черные волосы и ее точеная фигурка.

У него кольнуло под лопаткой. Неужели такая удача? Он шагнул в ее сторону, не обратив внимания, что чуть поодаль от нее у прилавка топтался крепкий парень с накачанными бицепсами. Рукава рубашки обтягивали их, ворот не сходился на мускулистой шее, на мощной груди ткань рубахи натянута, плотно облекая грудь. Из-под выцветших на солнце бровей парень стрелял глазами вокруг.

– Значит, тебя тоже интересуется золото? – спросил Глеб, наклонившись к девушке.

Ксения вздрогнула и обернулась на голос. Глеб заметил, как она сразу растерялась, но тут же взяла себя в руки и принужденно улыбнулась одними губами:

– Почему тоже? Золото всем интересно.

Выпрямилась. Выглядела она безупречно. Несколько иной, чем прежде, макияж. На высоком лбу – завиток волос ниспадавший на большие хорошие глаза. Дорогой блузон, книзу фалдящая юбка и дорогие босоножки. В ушах – драгоценные камни в золотой оправе. И только длинные пальцы с цветным маникюром без колец и перстней. А дорогой перстенок так и просился на эти пальчики.

– Я, признаться, не ожидал еще раз увидеть тебя живой, – сказал Глеб. – Думал, что тебя уже нет. Ведь тот, который тогда увез тебя, он убийца. Его ищет полиция. Кто это был?

– Да я не знаю его, – Ксения уже полностью овладела собой и смотрела спокойно. – Просто сильно испугалась, что он выстрелит в меня, потому и села к нему в машину. Но по дороге мне удалось убежать, больше я никогда его не видела.

Корозов наткнулся на ее вполне обдуманнные ответы, к каким трудно было добавить новые вопросы. Между тем спросил:

– Ты тогда сказала, что тебя проиграли в карты. Но кто?

Девушка посмотрела на Глеба с отторжением, явно не желая дальше продолжать беседу. Всем своим видом показывала, что его вопросы неприятны ей, что прилип он к ней, как репейник в поле. Сморщила нос:

– Разве я сказала так? Не может быть! Тебе показалось или ты что-то выдумываешь. Зачем ты выдумываешь то, чего не было? Какая ерунда!

Глеб ощутил, как его начинает охватывать негодование. Эта паршивая девчонка пытается играть с ним в кошки-мышки, пытается сделать из него дурака. Не получится. Хотя если вспоминать дословно, то она действительно не говорила, что ее проиграли, она говорила, что ее выиграла в карты. Однако для Корозова сейчас это не имело существенного значения, ибо если был тот, кто выиграл, значит, был и тот, кто проиграл. И Глеб сдержанно заметил:

– Конечно, это была бы выдумка, если бы твоих слов не слышали мои люди, какие были в машине. Но, увы, я был не один. И у всех есть уши.

Ксения сделала гримасу, но не оттого, что он напоминал о ее словах, а оттого, что он так долго говорил об одном и том же:

– Я не припомню такого эпизода в моей жизни.

– А эпизод, когда ты на дороге совершенно голой заскочила в мою машину, ты помнишь? – спросил Глеб, видя, что девушка оказалась непростой, совсем не такой, какой была в авто. И где она была настоящей, там или здесь, сказать трудно. Ясно одно, расследованию Акламина Ксения вряд ли поможет. А ведь именно он убеждал Аристарха, что через Ксению можно найти зацепки. Ну вот она, Ксения. И что дальше? Этот орешек еще надо расколоть. Да и стоит ли раскалывать? Непростая головоломка для Акламина. Непростая.

Девушка повела рукой, как бы отстраняясь от его слов и, видимо, намереваясь отказаться от них, да еще посмеяться над такой выдумкой, но Глеб перехватил ее запястье, взял в ладонь, сжал и негромко шепнул:

– Я могу сказать, где у тебя на левой груди родинка, а внизу живота еще одна, поменьше. А на спине – наколка. Может быть, мне это тоже показалось? Но мы могли бы это прямо сейчас проверить. Или это лучше сделать в полиции?

Ксения выдернула запястье из его ладони, и в ее глазах он увидел насмешливое выражение, какое не понравилось ему. Она потрянула волосами, поведя головой из стороны в сторону:

– Я тебе благодарна, что ты помог мне тогда. Какие-то

негодяи напали на меня, раздели и хотели изнасиловать в машине, но я вырвалась, и ты мне помог. Но потом этих негодяев убили около магазина одежды, ты же видел все! Спасибо тебе за помощь. Я даже не знаю, как тебя отблагодарить. Я даже не знаю, как тебя зовут. Я так тебе благодарна!

Корозова будто окатили водой из помойного ведра. Ксения открыто насмехалась над ним, даже издевалась. И он сейчас не сомневался, что именно так она скажет в полиции и никто не сможет опровергнуть ее. Глеб только не мог взять в толк, почему она все переворачивала с ног на голову. Решил, что Ксения боялась чего-то или кого-то. Не отрывая глаз от ее лица, спросил:

– Ты кого-то боишься?

– Ты о чем? – Она сделала удивленное лицо.

Глеб замешкался, он не знал, как ему сейчас поступить. Ведь если ей сейчас просто так дать уйти, она может пропасть надолго и Аристарх потеряет единственную возможность раскрыть преступление. А она определенно знает всех его участников. Ее нельзя сейчас выпускать из рук. Нельзя потерять. Глеб взял ее под локоть:

– Мы снова встретились неожиданно. Я приглашаю тебя пообедать со мной в ресторане. Все-таки мы с тобой знакомы.

Он намеревался так продлить время общения, чтобы найти момент сообщить Акламину и удержать ее до приезда оперов.

Но Ксения раздраженно выдернула локоть из его руки:

– Ты что, сумасшедший? Никуда я с тобой не поеду! Отстань от меня наконец. Я тебя не знаю! – вскрикнула громко, продавцы в отделе и покупатели повернулись на ее возглас.

Парень, стоявший поодаль, метнулся к Корозову, но лоб в лоб столкнулся с охранником Глеба. Тот решительно перегородил путь. Взгляды двух людей ударились друг о друга.

– С дороги! – угрожающе проговорил парень.

– Ты кто? – сдержанно спросил Корозов, глянув на него.

И в этот миг у себя за спиной услышал холодный, но ровный голос человека, который появился вдруг словно из ниоткуда:

– Он ее охранник, а сама она со мной!

Глеб обернулся и встретил прямой взгляд Дончарова. Это было как снег на голову, но Корозов не выказал растерянности, смотрел уверенно. Одна рука Юлия была в кармане пиджака, другую он протянул к Речерской:

– Что-нибудь произошло, Ксения?

– Да нет, – облегченно вздохнула та, видя, как Глеб неспешно откачнулся, – разговариваем просто. Смотрела вот драгоценности, пока тебя ждала.

– Выбрала что-нибудь? – Дончаров обошел Корозова, будто неодушевленный предмет, приблизился к ней и тоже глянул на сверкающие под стеклом витрины камни.

– Вот этот бриллиант, – показала Речерская, наклоняясь над прилавком.

– Упакуйте, – подозвал продавца Юлий. – Покупаем.

Дончаров больше не обращал внимания на Глеба, и Речерская вела себя так, словно его рядом не существовало, будто он пустое место. Это было уже слишком. Глеб наливался возмущением. Эта паршивка вела себя по-хамски, следовало бы ее поставить на место. Видно, она стоит того, чтобы ее выбрасывали голой на дорогу. Впрочем, не следует горячиться, ведь он узнал сейчас, где и с кем она, а значит, можно работать над этой связью.

Корозов отошел к противоположному прилавку, где вначале выбирал драгоценности, и снова наклонился над ним, краем глаза наблюдая, как Дончаров и Речерская в сопровождении охранника вышли из секции и скрылись из глаз. Глеб не слышал, как Юлий спросил у Ксении:

– Что он от тебя хотел?

Та коротко рассказала историю знакомства с Глебом, закончив словами:

– Я его даже не знаю.

Дончаров испытующе посмотрел на нее, как бы проверяя, правду ли она говорит:

– Это Корозов. Владелец нескольких магазинов.

– Ну надо же, – сказала Речерская. – Так опростоволосилась. Стоило бы ближе познакомиться. А ты откуда знаешь его?

– Чтобы выживать в этом мире, надо много знать, – неопределенно ответил Юлий.

5

Ксения Речерская старательно меняла привычный ход собственной жизни.

Со дня убийства Саши Апро прошло много дней, и каждый день она стремилась использовать как можно плодотворнее для себя. Очувившись в руках Дончарова, быстро обнаружила, что тот не был заядлым игроком в карты, каким являлся Саша.

Юлий был фигурой закрытой. Слыл личностью темной, непредсказуемой и опасной. Как многие, ничем не брезговал при добывании денег. Но игра в карты чаще опустошала карманы, нежели пополняла их, а посему он прибегал к ней в те моменты, когда не считал деньги.

Так оказался за одним игровым столом с Апро, так поставил на кон Фаину Палия. Обмен девушками ему был интересен, прежде всего, как выигрыш. Сами девушки – как игрушки, какими можно побаловать себя.

Но, увидев, как закрутились события вокруг дамы бубен, заинтересовался ею.

Убийство Саши мгновенно превратило десятидневку в некий условный срок, теперь он мог удерживать даму бубен у себя практически неограниченный период. С другой стороны, с исчезновением Апро Речерская становилась сама себе хозяйкой.

Между тем Юлий склонялся к первому варианту. Никакая девушка не может обойтись без сильного покровителя. Тем более очень красивая. На такую девушку всегда найдется много желающих. Быть себе хозяйкой – это занятие не для каждой.

Фаину он использовал на полную катушку, из разряда любовницы перевел в разряд надежных поделщиков. Подкладывал под всякого предпринимателя, когда хотел вторгнуться, оседлать либо разрушить бизнес того. Игра в карты иногда предоставляла такую возможность. Найдя с помощью Палия слабину у противника, он затем сам вступал в дело. В результате за бесценок либо получал долю, либо отхватывал весь пирог. Все зависело от того, что хотел получить Юлий в том или ином случае и насколько пирог был ему по зубам. Так он пробивал себе дорогу в бизнесе.

Даму бубен можно было использовать так же, как Фаину, удваивая свои возможности. Желание девушки для него вообще мало что значило. Он представлял себе, что пределом желаний любой девушки были большие деньги, куча красивых тряпок и украшений. Все остальное было мужской частью жизни.

Однако Ксения, пережив Сашу и приобретя определенный жизненный опыт, смотрела на все иначе. Не хотела больше играть роль наживки или покорного участника чужой игры. Чтобы выпутаться из этих обстоятельств целой и невредимой, она имела только один козырь – это женское обаяние.

И она полной мерой пустила его в ход. Очень быстро почувствовала, что Юлий попался на крючок. Женское чутье редко обманывает. Сначала он перестал отпускать ее от себя, потом приставил охранника, затем стал осыпать подарками.

Быстро выявив, какими методами Юлий достигал поставленных задач, Ксения легла под Дончарова, привязывая к себе.

Но ничто не длится вечно. Ковать железо нужно, пока оно горячо.

Вскоре с помощью Фаины Юлий выпотрошил Руслана Шедрина и решил оседлать бизнес Артура Латенина, владельца ресторана «Магия души».

Паляя закрутилась около Артура.

А Речерская интуитивно почувяла, что в этой истории должна использовать момент для себя, чтоб вырваться из порочного круга идеальной невольницы.

В один из вечеров Юлий повез ее в «Магию души», предупредив, чтобы она была предельно вежлива с владельцем ресторана.

Ксения оделась изящно и даже вызывающе, чем вызвала молчаливый восторг и одобрение Дончарова, однако вслух он сказал, что не стоило сегодня быть такой красивой. Юлий не хотел, чтобы красота Ксении в этот вечер затмила Фаину, ведь перед той стояла ответственная задача и усложнять ей работу с Артуром Дончаров не желал.

Но у Ксении была своя цель, и ее цель не совпадала с же-

ланием Юлия.

Фаина сразу же, как только увидела Речерскую в ресторане, поняла, что сегодня проигрывает ей. И это было отвратительно. Ее ревностный взгляд с неприязнью опалил Ксению с ног до головы. Ведь никакая женщина не любит проигрывать в красоте и не может терпеть, если за одним столом появляется неожиданная соперница, та, какой будут восхищаться больше, чем ею. Ощутила, что сегодня за столом будет именно так.

Стол был уже накрыт. Водка, вино, холодные и горячие закуски. Артур с Фаиной сидели на местах. Он был примерно одних лет с Юлием, но внешне отличался от него разительно. Широкий в плечах и узкий в бедрах. Волосы густые ярко-рыжие, голова большая, глаза на близком расстоянии. Все по отдельности не очень привлекательное, но, собранное воедино, было как будто к месту, как будто специально подбиралось природой.

Так бывает, когда смотришь на человека со стороны и думаешь: вот сотворит же природа такое нелепое создание, слепит же черт-те что из черт-те чего. Но стоит этому человеку зашевелиться, улыбнуться, заговорить – и куда сразу поддается первое впечатление. Вдруг увидишь и обаяние, и привлекательные манеры, и ум, чего теперь в наше время так недостает многим и многим. Нынче у многих жизненный принцип: деньги есть – ума не надо, но забывают о том, что встречают по одежке, а провожают по уму.

Латенин был неглупым человеком и хорошо знал, что на красавца не тянет, посему Фаине было непросто хомутать его. Он вообще был любвеобильным, в его постели перебивало множество девчат, но всегда, когда к нему подъезжали новенькие с намерением заарканить, он улавливал в этом некий тайный умысел – и ставил между собой и ними невидимую преграду, пробить какую удавалось редко кому. Но если удавалось, то никто не оставался внакладе. Впрочем, женить на себе ни у кого не хватало таланта. Он почти всем обещал жениться, но быстро остывал и давал поворот от ворот.

Потому можно представить, сколько сил и стараний пришлось приложить Паляю, чтобы он подпустил ее к себе ближе, чем всех предыдущих и чтобы работники его ресторана встречали Фаину уже не как хорошую знакомую их хозяина, но как его единственную девушку. И чтобы сам Артур стал прислушиваться к ней и принимать некоторые ее предложения.

Ресторан был одним из лучших в городе, если не сказать самым лучшим. Круглые колонны посреди зала создавали величаво-торжественный вид. Дончаров не спеша выступил с Речерской из-за этих колонн, подвел ее к столу, усадил рядом с Фаиной, представил Артуру, затем полушутя показал на пустые рюмки:

– Пора бы уже наполнить.

Артур вежливо улыбнулся и подозвал официанта. Тот,

как и хозяин, был рыжеволосым, и Ксения невольно сравнила цвет их волос. Оказалось, что голова у официанта была не такой яркой, как у Артура, чуть темнее, даже несколько смазана. Он быстро наполнил рюмки и бокалы и отошел. Но, пока он наполнял их, Латенин присматривался к Ксении.

Она ловила его взгляды на себе, но делала вид, что ничего не замечала. Крутила в руках бокал с соком, отпивала маленькими глотками.

Дончаров уселся на свой стул напротив Ксении, рядом с Артуром, и строго посмотрел на Фаину, призывая ее к активности. Да, в наряде она сегодня проигрывала Ксении, и от этого ее настроение явно упало, но она вполне могла сосредоточить внимание на себе умением говорить и свободно держаться в любой компании.

Паляя поняла взгляд Юлия, быстро привела свое лицо в норму и засветилась улыбкой:

– У мужчин всегда вино на первом плане. Но разве это хорошо? – сказала чуть певуче.

– А что хорошо? – Латенин поднял глаза на нее, тоже оживил лицо, и в уголки губ прыгнули веселые морщинки. Разговаривал он слегка картавя. То ли плохо выговаривал букву «р», как обычно не выговаривают эту букву маленькие дети, то ли какую-то другую букву, сразу было и не понять.

– На первом плане всегда должна быть женщина, – Фаина сделала вид, что удивилась вопросу, мол, неужели непонятно?

– Тогда выпьем за первый план! – воскликнул Артур, взял со стола рюмку, поднял и посмотрел на обеих девушек сразу.

Дончаров охотно поддержал. После того как все выпили и немного закусили, Латенин коснулся вилкой мяса и отложил ее.

– Может, формально перейдем к делу? – спросил, поднимая глаза на Юлия.

И только теперь Речерская поняла, какую букву не выговаривал Артур. Даже не то чтобы не выговаривал – у него просто заменялась буква «ф» на букву «в». Ну надо же, усмехнулась про себя, еще одна ложка дегтя в его бочку с медом. Редко встречаются такие индивиды. Чаще природа создает все на контрасте. Привлекает красотой, притягивает легкостью и обаянием – либо отталкивает некрасивостью, отторгает холодностью и тяжестью. Здесь же она подшутила сама над собой, либо превзошла себя самое. Поди догадайся.

Человек не управляет природой, хотя стремится к этому. Глупо. Разрушить все можно быстро – создать быстро невозможно.

Дончаров, не дожидаясь, когда подойдет официант, сам взял графин и вновь наполнил рюмки:

– О деле всегда успеем поговорить. Я думаю, девушкам это не очень интересно, поэтому предлагаю повторить, чтобы потом хорошенько закусить, иначе девушки быстро опьянеют, и после этого с ними будет одна морока.

Речерскую и Палия не удивил такой странный тост, они

обе знали, что задачей Юлия было прежде хорошенько накачать Артура, а уж потом приступить к переговорам.

Снова все выпили, но Ксения заметила, что Артур не допивал до конца, и она подумала, что он совсем не глуп. Дончаров же пил до дна. Впрочем, чтобы свалить с ног Юлия, надо было поставить перед ним целое ведро.

После выпили еще несколько раз, но Латенин по-прежнему держался хорошо. Она удивлялась и с интересом наблюдала за Артуром исподтишка. В какой-то момент к ней наклонилась Фаина:

– Ты знаешь, зачем ты здесь?

Речерская посмотрела на Паляя с некоторым замешательством. Что означал ее вопрос? Никакой задачи Юлий перед нею не ставил, а проявлять инициативу самой было глупо, ибо Дончаров не любил в таких делах никакой самостоятельности. Она считала, что была здесь для того, чтобы создать положительный фон Юлию, так сказать, ореол добропорядочности, и не более того.

– Ты видишь, Артур поглядывает на тебя? Надо это использовать, – снова шепнула Фаина.

На этот раз Ксения никак не отреагировала. Фаину это несколько взвинтило, раздражение отдалось в кончиках пальцев, какими она забарабанила по столешнице, как бы говоря Речерской – хватит выкаблучиваться, вступай в игру. Но Ксения только обворожительно улыбалась и даже ухом не повела в ответ. Между тем заметила, как Латенин обратил

внимание на нервное подергивание Палия и улыбкой сгладил ее поведение. После чего поймала взгляд Юлия – тот поднялся с места и протянул ей руку:

– Потанцуем?

Они прошли на площадку, где уже танцевали две пары. Дончаров закрутил в медленном танце.

– Фаина попросила меня помочь ей, – посмотрела ему в глаза Ксения. – Что я должна делать?

Юлий удивленно бросил взгляд в сторону стола, где продолжали сидеть Латенин и Палия.

– Ничего, – ответил негромко. – Свою роль пусть она ведет до конца. Что это она выкидывает коленца?

– Мне кажется, Артур уже пьян, – сказала Ксения, хотя знала, что это не так, и на самом деле хотела проверить, насколько пьян Дончаров. – Он, правда, старается держаться, но соображает плохо.

– Я не заметил этого, – отозвался Юлий, крепко за талию прижимая девушку к себе, вдыхая запах ее духов, потираясь щекой о ее лоб.

Речерская игриво заморгала глазами и сама повела его в танце, что было Юлием воспринято положительно. Ее голос прозвучал как тихое продолжение мелодии танца:

– Это потому что ты тоже выпил, а я трезвая.

– Ты чертовски мне нравишься. – Он коснулся губами ее уха.

– Ты мне тоже, – ответила она тем же тоном, хотя это было

неправдой.

– Пришли-ка Фаину ко мне на пару слов, – вдруг прервал он танец, остановился и кивком головы показал в сторону стола, подталкивая Ксению в спину.

Она изящно прошла между столами, видя, как по ее фигуре замечались глаза полупьяных посетителей, они как будто намеревались взглядами раздеть ее догола. Подойдя к Фаине, наклонилась над ее затылком:

– Иди, он зовет тебя.

Фаина выдержала пару минут, дождалась, когда Речерская усядется на свое место, потом встала, нашла глазами Дончарова и двинулась в его сторону.

Артур в это время поедал глазами Ксению и даже порывался вскочить с места, чтобы подвинуть ей стул. Вроде даже не обратил внимания, как Фаина вышла из-за стола.

– Я хочу с тобой встретиться, – произнес Ксении, когда Паляя миновала колонны.

Девушка чуть растерялась, услышав его просьбу, изобразила на лице приятную улыбку. В общем-то, она ожидала подобного поворота, но не так сразу. Впрочем, ее игра должна когда-то начаться, а почему бы не здесь и не сейчас? Может быть, как раз его просьба вовремя и ей на руку. Но она сыграла роль:

– Мы уже встретились за этим столом.

– Да нет. – На нее смотрели совершенно трезвые глаза Латенина. – Ты засела у меня в голове.

И тут она заподозрила Артура в том, что тот тоже мог затевать некую свою игру с Дончаровым. И в этой игре соби-рался отвести ей какую-то роль. Как знать, что у него на уме? Но пусть даже если так, это мало что меняло. Пускай думает, что использует ее, а она станет употреблять его. Он вполне мог послужить ей трамплином для первого прыжка, чтобы вырваться из порочного круга и приготовиться к следующе-му прыжку.

– Все это неожиданно, – выдержав паузу, отозвалась, как бы раздумывая. – Если настаиваешь, я позвоню тебе.

– Я настаиваю.

– Все может быть гораздо хуже, чем ты представляешь се-бе.

– Я настаиваю, – повторил он, не взяв в толк, о чем пре-дупреждала девушка предыдущей фразой.

– Будь осмотрительнее. Думай что делать, – сказала она, краем глаза наблюдая за Юлием и Палия и пригубив бокал с соком.

Латенин уверенно кашлянул, до него так и не дошло, что она предупреждала его не о конфликте с Дончаровым из-за нее, а о предполагаемом деле, по какому они здесь собра-лись. А в это время Юлий негромко, но с нажимом отчиты-вал Фаину:

– Ты что так плохо сегодня отработываешь задачу? Си-дишь как мокрая курица! Даже мочало не жуешь! Зачем Ксе-нию подгребаешь? Ты мне все карты путаешь! Давай заводи

свой моторчик! Измотай Латенина в доску и гляди, чтобы больше пил! Мне он сегодня нужен как выжатый лимон! Это твоя задача! Только твоя!

– Разве она не в деле? – скукожилась и виновато опустила глаза Фаина. – Почему не использовать? Посмотри, как он на нее пялится!

Юлий повернул голову и посмотрел продолжительным взглядом в сторону Латенина и Ксении. О чем он подумал в этот миг, сказать было трудно, его лицо оставалось неизменным. Но неизменное лицо совсем не означало, что внутри у него тоже ничего не поменялось. Паляя хорошо знала это и потому ждала.

– Я сам решу! – сказал он. – Твое дело – подготовить его!

Фаина выпрямилась, расправила плечи и подала вперед грудь, словно напоминая этим движением Юлию, как он любил целовать эту грудь. Но теперь она не хотела его поцеловать. Она видела, что с каждым днем этот бизнес все глубже и глубже засасывал ее, как болото, что из любовницы стать подельником Юлия не значило стать ему равной. Бред. Она бы с радостью сейчас хлопнула дверью и сбежала от него куда глядят глаза.

– Он сам напросился на эту встречу, – напомнила она. – Я обработала его по полной программе, не сомневайся.

– Если бы я в тебе сомневался, я бы давно тебя убил! – ровным голосом прогнал вдоль ее спины холодные мурашки Дончаров, засунув одну руку в карман пиджака.

Речерская заметила, что Юлий направился к их столу, и снова пригубила сок. Тот приблизился бодрым шагом, и голос его тоже прозвучал бодро. Сел рядом с Латениным, глянул на него сбоку:

– Что-то мы закисли, граждане, давайте повторим. И смените рюмки на стаканы. Чего мы, как в детском саду, игрушечными мерками балуемся. Не по-мужски это, в самом деле. Русская душа должна широко развернуться и запеть! Рюмка – мера для слабонервных. Наша мера – от бутылки до ведра. Как смотришь, Артур? Мужского полу мы или не мужского? Стыдно лакать языком, когда можно вливать ковшами!

Подошла Фаина с веселым выражением на лице. Недавняя хандра была полностью стерта с нее, все тело играло красотой, приковывая внимание.

Юлий удовлетворенно кивнул головой. Ну вот, совсем другое дело, говорили его глаза, красotka, красotka.

Латенин подхватился со стула, глянув на нее, но замер, смущенно заметался глазами то на нее, то на Ксению, теряясь в выборе. Выбрать было действительно трудно. Обе хороши, и у каждой своя изюминка. И ни у одной из них он не хотел упасть в глазах. Ни перед кем не мог ударить в грязь лицом. Не мог опозориться отказом Дончарову. Попался, как лещ на сковороду. Не хотел, чертовски не хотел напиваться до того, как пройдут переговоры. Чтобы голова была свежей и соображала хорошо. Другое дело, если пройдут удачно, то-

гда можно и расслабиться. Но, видно, никак не вывернуться, не выкрутиться.

И тут Фаина как будто помогла ему, проговорив:

– Ковшами так ковшами. Я тоже буду напополам с Артуром из его ковша. А кто сказал, что женщины слабый пол? Это мы еще посмотрим.

– Ну ковшей в ресторане нет, – откашлялся Латенин, разводя руками с видом сожаления, – а стаканы найдутся.

И, отыскав глазами официанта, распорядился:

– Принеси стаканы. Граненые. Всем.

Тот мигом обернулся со стаканами и расставил на столе. Замялся возле Артура, не зная, наполнять их либо отойти. Латенин взмахом руки отдал команду наливать. И когда официант, наполнив стаканы для мужчин водкой, перешел на другую сторону стола, чтобы обслужить женщин, и взял в руки бутылку вина, Артур закрутил головой:

– Э, нет! В стаканы только водку! Раз уж среди нас нет слабого пола, всем водку!

Сделал паузу, ожидая, что кто-нибудь возразит.

Но никто не возразил. На лицах девушек плавали беззаботные улыбки. Лицо Юлия было непроницаемым.

Официант мотнул головой и быстро заменил бутылку. Как только он отступил от стола, Фаина взяла полный стакан в руки и засмеялась:

– А теперь посмотрим, кто здесь кто! Кто здесь может, а кто не может. Ну что, мужчины, на спор или так проверим,

чья возьмет? Я ручаюсь за своего парня!

Она подмигнула Артуру, подбадривая того.

– А ты? – повернулась к Ксении. – У тебя – отчаянный или сразу в кусты? Не уважаю тех, кто по кустам шарахается.

– Ты моего не тронь, – вступила в игру Речерская. – Ты знаешь, что для него этот стакан – тьфу, как дробина для слона! Это у твоего руки уже трясутся. Посмотри.

– Обижает! – возмутился Артур, с улыбкой на лице показывая руки.

– Этим девчатам палец в рот не клади, – протянул Юлий, удовлетворенный игрой девушек. – Ну что, не дадим сомневаться в нас? – спросил у Латенина, поднимая стакан перед собой. – Предлагаю выпить за этих двух очаровашек! За их красоту!

– Согласен, – вздохнул Артур, берясь за свой стакан и думая: «Вот чертовки, вынудили, и чего только из-за них не сделаешь. Ну да ладно, соберем мозги в кулак».

Дончаров выпил одним махом большими глотками, как будто просто вылил в раскрытое горло стакан водки.

Латенин пил медленно, маленькими глоточками, точно дегустировал, а дегустируя, смаковал, прикрывая глаза.

Девушки дождались, когда покажется дно стакана, и весело захлопали в ладоши. Потом пригубили из своих стаканов и отставили их.

Юлий закусил так же быстро, как выпил.

Артур жевал неторопливо, как бы наслаждаясь вкусом за-

куски, закатывая глаза и время от времени причмокивая. Делал все это копотливо он из двух соображений. Во-первых, чтобы растянуть время между тостами и выпивкой, а во-вторых, чтобы особо показать, какая хорошая кухня в его ресторане. Между тем как он ни старался тянуть время, но следующий тост не заставил себя долго ждать. И снова он не смог отказаться. А потом – чередой восклицаний девушек и новых тостов. Он только успевал отслеживать, чтобы Юлий также не пропускал ни одной стопки.

Дончаров же, пьянея помаленьку, удивлялся про себя, что Латенин не менее крепок, чем он. Наконец в какой-то момент Юлий понял, что дальше водкой грузить Артура не стоит. Если тот свалится с ног – бесполезно будет что-либо обсуждать. А вот так, когда он раскис, но еще способен вести беседу, можно начинать обработку. Вот теперь Ксения была бы права, если бы снова сказала, что Артур пьян.

– Так какое у тебя дело ко мне? – спросил он, облокотившись на столешницу.

Артур несколько ожил лицом, шире раскрыл глаза:

– Фаина посоветовала обратиться к тебе, – ответил, пьяно растягивая слова.

– Фаина плохого не посоветует, – с неопределенным выражением на лице отозвался Юлий.

– Надеюсь. – В уголках глаз Латенина запрыгали морщинки.

– Тогда слушаю. – Дончаров смотрел бесхитростно, рас-

полагая к себе собеседника, зная наперед, о чем станет тот говорить. Хмель его движения делал плавными и неспешными. Мысли в голове растягивались, но не теряли стройного хода. Впрочем, глядя на Артура, думал: «Черт побери, я, кажется, недалеко ушел от него, тоже забалдел. Но все-таки меньше него. Конечно меньше. Его качает, а я еще ничего».

Артур улыбнулся, как сумел выпрямился на стуле, собрал себя в твердый комок, прекратив покачиваться, и перешел на деловой тон, меняя голос, словно напружинивая его. И даже в пьяном состоянии он показывал, что знал себе цену.

Юлию это не очень понравилось, мелькнула мысль, что надо было чуть больше подпоить.

– Я решил развивать свое дело дальше и открыть еще один ресторан, – заговорил Латенин. – У меня уже есть задел, и даже не просто задел, а сделана половина дела, но на остальную часть не хватает средств. Я уже поскреб по всем сусекам. Кредит в банке брать не хочу, не нравится мне процент банка. А Фаина сказала, что ты мог бы помочь беспроцентной ссудой. Но я прекрасно понимаю, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке, что в случае твоего положительного решения будут оговариваться какие-то условия. Вот за этим я и обращаюсь к тебе. Сможешь ссудить мне немного средств?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.